

ISSN 0869—4788



МАЙ
ЮЗРА

5.92



ФОТО КОРЧЕНКИНА Г. Н.

Издается
с сентября 1991 г.

Выходит один раз в месяц

Редакционная коллегия:

В. К. Белобородов
(Редактор)

Л. В. Луцкай
Т. А. Молданова

Технический редактор,
Н. Б. Баталова.

Адрес редакции: 626200,
г. Ханты-Мансийск, ул.
К. Маркса, 14.

Телефон редакции 4-12-25.

Сдано в набор 05.05.92. Под-
писано в печать 28.05.92.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага га-
зетная. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 3,74. Уч. изд. л. 4,48.
Тираж 3000. Заказ № 1316.
Цена 2 р. 50 к.

Отпечатано в Шадринской
типографии п/о «Исеть»
управления печати и массо-
вой информации админист-
рации Курганской области.
641800, г. Шадринск, ул.
Спартака, 6.

В номере:

В. Вернадский. Довольно крови и страданий	2
В. Андреев. Урок—время творчества	4
Учтивость	7
Л. Луцкай. Моя маленькая Шапша	8
По страницам «Красного Севера»	12
Т. Молданова. Орнамент «Челюсть лошади»	13
П. Бахлыков. История, быт, культура юганских ханты (продолжение).	15
В. Сподина. Деревянные глаза	24
Рыба, которая пахнет теплом	25
Пословицы и поговорки, записанные в Тобольской губернии	26
С. Швецов. Очерк Сургутского края	29
Н. Патрикеев. Просвещение Югры	37
И. Каскин. У родного Чугаса	39
«Сибирские страницы»	46
В. Плесовских. Стихотворения	47
Е. Грошева. Преждевременная экспедиция (продолжение)	50
Т. Пуртова. Историки Сибири	59
Ю. Герасимов. Как построить плот	60
Ю. Гордеев. Пернатые югорского края	62

В. И. Вернадский

«ДОВОЛЬНО КРОВИ И СТРАДАНИЙ»

Едва ли есть сейчас вопрос более ответственный, более глубокий и более требующий от нас вдумчивости и творчества, чем широко и глубоко поставленный вопрос о народном образовании.

Он велик даже в наше время, когда перед каждым вдумывающимся в окружающее человеком стали мучительно и властно все коренные вопросы бытия.

Ибо наше время — время крушения государства, полного развала жизни, ее обнаженного цинизма, проявления величайших преступлений, жестокости, время, когда пытка получила свое этическое обоснование, а величайшие преступления, вроде Варфоломеевской ночи, выставлялись как идеал, время обнищания, голодания, продажности, варварства и спекуляции — есть вместе с тем и время самого искреннего, полного и коренного подъема духа. Это время, когда все величайшие задачи бытия встали перед людьми как противовес окружающим их страданиям и кровавым призракам. Сейчас каждый из нас должен искать устоев новых для жизни, проверить богов, которым он поклонялся, совершить в своей душе переоценку духовных ценностей.

Хочет или не хочет человек — он должен это сделать, так как он не может жить в рамках старого, покойной и тихой жизни нет, и уйти в квиетизм он не может — если только он не уйдет из своей страны и из среды своего народа.

Но те вопросы, которые сейчас в реальных формах стали перед человечеством, выходят за пределы одного народа — это вопросы вечные.

Я считаю неизбежно идущую кругом эту великую духовную работу величайшим делом и более сильной и важной чертой момента, чем все те события, которые нам, современникам, кажутся важными и первоочередными.

Будущее делается ими, и от того и другого духовного облика, выносимого нами из переживаемого, зависит окончательный результат мировой трагедии.

Не только реальные материальные разрушения и перемещения богатств — но еще более реальны духовные переживания. Страдания и разочарования, новые лозунги жизни, оживленные старые, старое, понятое наново, и новое, влившееся в старые рамки, — духовное переживание и освещение событий, их понимание и духовное восприятие

их человеком более важно, чем становление материальных сил и элементарных страстей человека.

Меня не смущает, что сейчас те лица, в глуби духовной силы которых совершается сейчас огромная, невидная пока работа, как будто не участвуют в жизни. На виду большей частью не они, а другие лица, действия которых не обузданы духовной работой. Но все это исчезнет, когда вскрыется тот невидный во внешних проявлениях процесс, который является духовным результатом мирового человеческого сознания. Он зреет; время его придет, и последнее властное слово скажет он: а темные силы, всплывшие сейчас на поверхность, опять упадут на дно...

[Организация народного образования в новой России. Лекция на кооперативных курсах, 7 ноября 1920 года. — Архив АН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 45, л. 193]

В этих письмах к молодежи я коснусь некоторых из вечных вопросов жизни, которые сейчас в переживаемый трагический и великий момент истории стали перед человечеством и перед русскими в особенности с небывалой силой и в совершенно новом неведомом раньше виде.

События на нашей родине заставляют биться сердце, работать мысль, будят совесть. Жизнь вскрывается в таких своих глубинах, какие в течение поколений были скрыты от человеческого сознания. Трагичность судьбы миллионов людей, крушение векового государственного строя, бесконечный удел страданий, выпавших на долю людей, вне всякой соразмерности с их поступками, и с их волевыми устремлениями, миллионы погибших — иногда в невероятных страданиях — человеческих жизней, в том, числе невинных детей и безвинных стариков, резкий переход от бедности к богатству и обратно, массовая гибель от голода побежденных и оргии богатства победителей — все это ставит перед нашей совестью, нашим сознанием, нашим разумом вели-

чайшие идейные проблемы. Ибо везде на фоне этой жизненной трагедии выступают и провозглашаются принципы жизни, которыми руководятся люди, ее созидающие. Ими оправдывается совершаемое, ими создается или рисуется то иное — лучшее — будущее, к которому должно привести крушение старой России, русская социальная и политическая революция со всеми ее ужасами и страданиями. И ими обуславливаются подвиги сознательного мученичества, высокого нравственного долга, святой или верной ярким идеалам жизни, которые всюду — среди людей противоположных идеалов — неизменно и постоянно проявляются — ростки будущего, всегда возрождающейся жизни.

Перед всеми неизбежно выступает искание и проверка идеала жизни, переоценка духовных ценностей, оправдание совершающегося, его понимание. Глубочайшие вопросы личной жизни — вопросы морали, религии, социальной философии получают для всех то значение, которое в обычное время они имеют для немногих.

Они ярко выступают за внешним рамками преходящих политических и партийных программ, они составляют настоящее идейное содержание переживаемого момента.

И не только русские переживают этот глубокий нравственный и умственный кризис. Он коснулся всего мыслящего человечества. Трагедия русской революции многогранно преломляется во всей жизни всех стран и народов.

Я хочу коснуться в этих письмах этих вечных и основных вопросов, стоящих за пределами и в то же время составляющих основу политических поступков и политических или социальных программ. Они в действительности являются основными. И к ним должно быть направлено наше внимание.

[Письма к русской и украинской молодежи. наброски, июнь 1924 года. — Архив АН СССР, ф. 518, оп. 1, д. 220].

УРОК — ВРЕМЯ ТВОРЧЕСТВА

НЕ все дети в равной мере художественно одарены, но то, что какая-то часть выпускников музыкальных и художественных школ, пусть даже и небольшая, по выходе из них с облегчением вздыхает и тут же надолго, если не навсегда, забывает об искусстве, говорит о серьезном несовершенстве школьного процесса. Великая цель воспитания — помочь раскрыться индивидуальности, дать выход творческим силам ребенка — не часто достигается, но школа не может быть безучастна, если маленький человек идет по ложному пути или его способности неразбужены. О возможностях совершенствования художественного воспитания урайский художник и педагог **В. С. Андреев** размышляет, опираясь на свой многолетний северный опыт, в беседе с нашим корреспондентом В. Константиновым.

* * *

— Владимир Степанович, вы, русский художник и педагог, заинтересованы в разработке новой программы по изобразительному искусству для детей коренных народов и участвуете в этом деле. В чем вы видите существо новой программы?

— Та программа, которой учителя пользуются сейчас, не дает детям возможности выразить себя и в то же время мало знакомит их с культурами других народов. Она типовая и совершенно не учитывает национальных особенностей.

Дело в том, что дети ханты, манси своеобразно видят и изображают мир. В этом я убедился во время поездок по Северу. Теперь я имею возможность сравнивать и ясно вижу различия между детьми, которые живут в городах, и детьми, которые живут в сельских интернатах. Дважды, например, я проводил занятия в Казымской школе-интернате и вот что удивило. Если взять наших городских детей, то для них нет понятия «дом». Что такое для них дом, если они живут в пятиэтажном здании? Сама эта коробка для них домом не является, эти исцарапанные, загаженные подъезды эстетической ценности не имеют. А вот у ребенка из тундры, из чума понятие «дом» предельно конкретно — это место, где он живет с родителями. И он долго не раздумывает, сразу берет лист и на нем возникает рисунок: вот у него чум, вот лес, тут река, там ловушки, тут нарты, кораль, олешки бегают...

— Все имеет свое место в окружающей среде.

— Да. Теперь второе. Для них, живущих в интернате, сам процесс рисования — это как бы своеобразное такое средство пообщаться с домом; рисуя, они как бы возвращаются туда, 20—30 минут, час всеми своими помыслами они там. В своих воспоминаниях они углублены, а у наших горожан этого нет.

— И люди они наблюдательные, с живым воображением, хорошей памятью...

— Да, зрительная память у них цепкая, все детали четко отмечает. Об этом и Райшев говорит, рассуждая в своем альбоме «Хантыйские легенды» о том, что такое искусство, творчество. Это, конечно, предмет исследования ученых, и программы-то, что разрабатываются для детей, должны опираться на строгие научные исследования этих самых психологических особенностей. Есть разные возможности изучения таких особенностей —

через рисунки, через живое общение с самими детьми, наблюдение за ними. Вот и нужно выработать эту методику. Проблем много, в том числе и технических, чтобы заниматься ими успешно — для этого нужен творческий коллектив.

Есть и другая сторона вопроса. В практической повседневной работе у меня постоянно возникает потребность в поиске каких-то методических решений для русскоязычной школы. Ведь ни для кого не секрет, что для тех, кто приехал сюда издалека и теперь составляет большинство населения, традиции, искусство коренного населения — абсолютные потемки. Они и ничего об этом не знают, и не считают искусством. Вот это просто обидно. А поскольку я педагог, то должен начинать с детей. Они более восприимчивы, до них легче донести знание средствами урока изобразительного искусства.

Такой урок должен быть нетрадиционным. В нашей русскоязычной школе сейчас тоже очень много проблем в области изобразительной деятельности. Взять хотя бы отход от старых догм социалистического реализма, согласно которым признавалось и ценилось только реалистическое искусство, а все остальное считалось антиискусством и было наказуемым. Теперь мы приобщаемся к мировому искусству и уже в новом свете должны смотреть на преподавание изобразительного искусства в школах, в том числе и национальных, переосмысливать прежние программы, которые абсолютно не соответствуют духу времени. Да они и раньше не соответствовали. Они были нацелены на какие-то примитивные жизненные вопросы — допустим, изобразить предмет, чтобы он был понятен для другого (странный род языка общения), или развить зрительное воображение, необходимое для технического черчения. От искусства как такового оставался минимум и теперь надо все пересматривать.

Появилась новая программа Бориса Неменского, но она с таким трудом внедряется в школах, что это просто кошмар. Многие, не зная ее, просто отвергают. Другие, узнав, но поняв, что по ней работать очень сложно, находят множество лазеек, чтобы от нее отказаться, потому как она построена на профессионализме педагога. Он должен многое знать, уметь и самое главное — должен с детьми общаться. Если эта программа, допустим, будет внедрена, то через нее очень легко можно выходить на национальные культуры. Ведь не только ханты, манси и русские населяют наш округ, его населяют и татары, башкиры, украинцы... И уроки изобразительного искусства, музыки, литературы можно ведь сделать богаче, знакомить детей и с украинской, и с башкирской, и с другими культурами.

Но сложность в том, что мы их не знаем. Нужно готовить где-то педагогов, дать им эти знания. Может быть, наш окружной институт сумеет объединить людей для такого важного дела? Практика показала, что педагоги могут и сами, даже с участием учеников, совершенствовать преподавание. Вот, например, эксперимент в Казымской школе-интернате — школа диалога носителей культур. Эта идея обсуждалась и прорабатывалась в Сургуте на организационно-деятельностных играх, новые подходы совместно нащупывали москвичи, сотрудники нашего института повышения квалификации, педагоги из округа, и если эксперимент получит развитие, то надо ждать интересного результата. И вот один характерный момент: участники игры пришли к такому выводу, что ханты, манси лучше свою культуру знают, чем мы, русские. У нас все растворилось, сnivelировалось до безобразия.

— **Слушая вас, я прихожу к выводу, что вы очень важное значение придаете национальным чертам в культуре и стремитесь фактически имеющее место в нашем округе соприкосновение культур поддерживать и развивать художественно-педагогическими средствами.**

— Я опять возвращаюсь и буду возвращаться, наверное, еще много раз к программе Бориса Неменского. Она ведь позволяет не только рисовать на уроке, она предполагает — действовать: танцевать, петь. И стихи, и сказки, и легенды — все это завязано в один узел. Урок — это целое представление...

Да, дети живут в иной среде, мы не имеем возможности многого показать, куда-то их повести, но хотя бы посредством визуальной техники мы должны показать им уцелевшие островки культуры, чтобы они хотя бы имели представление о национальной архитектуре, культуре труда, быта. Культура ханты, манси вбирает в себя все, потому что она решает задачу выживания в природной среде.

Как для практика-педагога для меня первостепенное значение имеют урок и внеклассное занятие с ребятами. Было время, когда я сам увлекался резьбой по дереву, и мы целиком ушли как раз в объемную резьбу. Резали из осины, заглаживали, зашлифовывали, как это делал в свое время Шешкин, как делают Геннадий Хартаганов, учащиеся Салехардского училища. Хотя такой подход искусствоведы считаю спорным, говорят, что это же дерево, а не кость, но мы делали. Потом я как-то от этого отошел, ушел в другое.

Весь этот совместный с детьми школьный путь я для себя фиксирую. Одна из больших трудностей — в том, что беден зрительный ряд — живые, настоящие образцы изделий народных мастеров или хотя бы слайды. Говорили мы об этом и в институте, но дело связано с финансами, с другими какими-то затруднениями. А надо было бы в институте, а по большому счету — и в каждой школе иметь образцы изделий из бересты, дерева, меха, ткани, бисера. Как оборудует государство кабинет физики, так оно должно оборудовать и кабинет изобразительного искусства, а в национальной школе — тем более. Не говорю уже о том, что вся звуковидео техника должна быть совершенной, последних моделей. Я думаю, округ в состоянии найти валюту, чтобы оснастить такой техникой хотя бы пока институт. Ведь урок разработать могу, допустим, я, другой педагог, можно все это собрать, сравнить, обсудить. Каждый педагог, конечно, индивидуальность, но для начала нужна какая-то точка опоры, кто-то должен убедить людей, что это важно, подсказать, помочь педагогу, заложить основы. А дальше — твори!

Мне кажется, мешает еще замкнутость многих учреждений и школ. Вот смотрите: две таких больших силы в округе — народное образование и культура — до сих пор пока не нашли настоящего взаимопонимания. Это две разные отрасли. Хотя они и делают одно дело, но на своих сундуках сидят, как скупой рыцарь, чем они занимаются, что имеют — мало кто знает. В окружном Доме творчества я уже по этому поводу беседовал: а что если силы-то нам объединить? Мне кажется, они как раз должны быть пропагандистами. С экранов телевизоров, кино, из радиоприемников вся так называемая культура обрушилась на нас лавиной. А поток с другой стороны, несущий народную культуру, такого напора не имеет. Считаю, что ваш журнал — та маленькая ласточка, которая обнадеживает и поднимает настроение.

Наша справка

ДЕНЬ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ

С 24 мая 1987 г. в стране ежегодно проводятся праздники славянской письменности. Начиная с праздника в Новгороде [1988], совпавшего с празднованием Тысячелетия крещения Руси, Дни славянской письменности стали международными. К ним бывают приурочены ассамблеи духовной

музыки, выставки народных промыслов, выступления фольклорных коллективов, встречи с писателями, научные конференции. Все это помогает углубить интерес к культурной истории славянства, нравственной стороне христианской и народной культуры.

Из всех славянских стран Русь приняла христианство последней, через посредство Болгарии и Византии. Братья Кирилл и Мефодий не только создали азбуку, но и перевели Библию и другие церковные книги, чтобы богослужение в славянских странах могло совершаться на славянских языках. Они заложили основу славянской письменности.

Книга открыла перед человеком Киевской Руси новый мир — он стал оценивать место своей страны во времени и пространстве, место своего народа в славянском мире прежде всего. Мефодию в прениях о вере пришлось доказывать, что не только еврейский и латинский должны быть языками веры. «Как дождь равно идет для всех, — говорили братья в своих проповедях, — так и благодать Господня ниспосылается на верящих независимо от языка, на котором они обращаются к Богу».

Немало замечательных произведений художественной и переводной литературы было создано на древнеславянском языке

талантливыми переводчиками и духовными писателями Нестором, митрополитом Иларионом, Кириллом Туровским, Франциском Скориной, Иваном Федоровым, Лаврентием Зизанием, Мелетием Смотрицким. Шедевры храмовой архитектуры, духовной и светской письменности, музыки знаменовали расцвет древнерусской культуры.

Праздники славянской письменности и культуры — дань уважения к духовному подвигу солунских братьев, открывшим этим актом путь к просвещению больших и малых народов. Благодаря участию в праздниках крупных научных сил Дни славянской письменности помогают многостороннему изучению славянской духовной культуры. В Новгороде (1988), Киеве (1989) и Минске (1990) прошли научные конференции, в которых приняли участие сотни ученых. По материалам конференции изданы труды. Фонд славянской письменности способствует созданию «Энциклопедии славянских древностей», «Энциклопедии славянской мифологии», Русской энциклопедии. Идет работа над «Золотой книгой славянской культуры».

Из этического словаря прошлого века

УЧТИВОСТЬ

Вот еще одно понятие, кажущееся сегодня многим чем-то совершенно нежизненным, потусторонним и целиком принадлежащим литературе. Даже со стороны лингвистов советского времени чувствуется холодок к нему как к языковому реликту, обозначающему явление отмирающей культуры прошлого. Словари XIX и XX веков отчетливо зафиксировали эту разницу в отношении.

У В. И. Даля учтивый — это вежливый, пристойный, приличный, обязательный, соблюдающий светские приличия общежития. Учтивый отказ, не суровый, прикрытый ласкою...

Учт и в ец, — в и ц а, вежливец, обходительный, пристойный, приличный. Учт и в и т ь с я с кем, чиниться, обиновать, стесняться, из светского приличия.

На наш взгляд, есть коренная связь между прилагательным «учтивый», и глаголом «чтить», вежливый человек уважителен к чести и достоинству другого человека.

С. И. Ожегов, в отличие от своего предшественника, предельно лаконичен, в его словаре вы найдете буквально следующее: «Учтивый, — ая, — ое, — ия. Почтительно вежливый. У. человек. У. ответ. сущ. учт и в о с т ь».

Что и говорить, трудно сочетать представления об учтивости с нашей повседневной практикой общения. Многие уже притерпелись к безразлично-хамской атмосфере в магазинах, на пассажирском транспорте, молодежных дискотеках и в других общественных местах, а работники милиции давно адаптировались к многочисленным фактам уличного хулиганства. В нашем нравственно-правовом климате романтическая рыцарственность, учтивость и другие подобные качества существуют только как курьез, как нечто из ряда вон выходящее и нелепое.

А вовремя ли мы хороним старинное слово, выбрасываем его из обиходного словаря? Может быть, с ним немножко легче будет выходить из нынешнего кризиса! Во всяком случае, прислушаемся к академику Д. С. Лихачеву, который в книге «Раздумья» заметил:

«И еще одно забытое нравственное понятие — учтивость в поведении.

Сохранять независимость естественнее и проще всего, соблюдая учтивость. Учтивым следует быть не только к дамам и с дамами, а со всеми и всегда».

Л. Луцкай

МОЯ МАЛЕНЬКАЯ ШАПША

Все вроде бы просто в жизни Зои Григорьевны Семенищевой. Работает в школе с удовольствием, учит детей, восторженно любит природу. Разве этого мало, чтобы чувствовать себя в своей колее? Сейчас да, сейчас достаточно. Но еще год назад было в ее душе столько боли, столько разочарований. Она чувствовала, что может многое, но взлета не происходило. Слишком велика сила у тех инстанций, с которыми приходилось бороться. Отстоять 270 гектаров кедрача не каждый сможет. А Зоя Григорьевна смогла не дать людям, далеким от благородного отношения к природе, хозяйничать в кедровой роще. Сейчас роща стала заповедником. И теперь нужна практическая работа в кедровнике: проложить тропу, обустроить ее вместе с ребятами и (возможно, это самое главное) привлечь своей полезной деятельностью внимание общественности, заинтересовать всех экологическими проблемами.

Учительница из Шапши Зоя Григорьевна Семенищева как раз это и делает. А вместе с нею и ее ученики, и все, кто становится ее единомышленниками. Сейчас их уже трое: Зоя Григорьевна, Галина Антоновна Балабанова и Татьяна Павловна Титова. Не так давно они ездили на экологическую конференцию, проходившую в Тобольске, где могли сказать свое слово о воспитании экологического сознания в учениках. Доклады, которые сделали учителя-практики, очень хорошо были приняты. Свое состояние и настроение на конференции Зоя Григорьевна оценивает как романтически-деловое. После всех встреч работу она стала делать с большей радостью, чем прежде. Уже изучается экологическая тропа, собираются коллекции трав, мхов, лишайников, которые встречаются на тропе. Скоро они будут выставлены в школе. А потом будут новые походы, новые исследования, открытия.

Все теснее становятся контакты ребят с природой, больше они проявляют заинтересованности к миру, в котором живут. Маленькие ученики пытаются разобраться в природе, учатся постичь тайну дерева, земли, травы. Зоя Григорьевна учится вместе с ними. Не обращать внимания на природу, не входить с нею в общение никак нельзя. Ну, посудите сами: школа в Шапше находится в лесу, улицы в лес упираются, кругом кедр. И ни одного урока Зоя Григорьевна не могла провести, чтоб не совершить экскурсию в лес. Здесь каждый открывал для себя свое заветное. Однажды нашли ребяташки орленка. Нашли и принесли его в школу. Вырос он во взрослую птицу, и потом часто прилетал к школе, садился на крышу и ждал своих спасителей. Видно, привык к ребятам, к их гомону и шуму. А вокруг Шапши с тех пор появились гнездовья орланов-белохвостов.

Как много мы не знаем из того, что нас окружает! Растет цветок на поляне лесной, и мы не знаем, что это за цветок. Пролетает птица, она интересна нам,

Человек на земле

но как ее зовут — мы тоже не знаем. Это незнание природы больше всего и разозлило Зою Григорьевну, и помогло ей сделать выбор.

— Вы знаете, — рассказывает Зоя Григорьевна, — я работала на группе продленного дня в Выкатновской школе, и мы там прокладывали тропу здоровья. Приехал к нам в гости один человек, и когда мы вошли в лес, он говорит: «Боже, какая тут благодать! Вы проходите мимо самого лекарственного дерева». После этой встречи мне и захотелось узнать побольше о мире, в котором живем.

Встретилась мне еще женщина, ехали вместе в речном трамвае, а ее при сборе ягод змея укусила. И она говорит: «Я сорвала травку, на пальчик приложила». А в деревне у нас в тот же день женщину змея укусила. Та лежит в больнице, а эта со спокойной душой едет. Я думаю, сила-то у растений какая! Я как раз ехала подавать документы в институт. Последняя встреча меня убедила: только на биолога пойду. Порой приходят ко мне на уроки природоведения специалисты и говорят: «Ну что ты им даешь? Как отличить кедр от сосны, зачем это им надо?». Я говорю: «А вы сами умеете отличить пихту от ели и сосны? Если мы их не научим, кто их научит?».

Зоя Григорьевна такой человек по характеру своему, что не может не разделять с другими их заботы, беды. И не просто посочувствовать, а именно вникнуть в проблемы житейские, войти в круг всех болей. Вот про ту же рошу кедровую. Сколько она натерпелась незаслуженных обвинений, сколько слез пролила. И не только потому, что именно ей, Семенищевой, хотелось так. Нет, все как раз и пришло от людей. Именно старики и попросили Зою Григорьевну защитить их и защитить кедровую рошу. Испокон веков лес человека кормил, одевал, согревал, давал здоровье и силу. А тут вдруг запланировали генеральное строительство Шапши. А строят у нас известно как: сначала все срубят, а потом уже начинают думать. Кого только не привлекала Зоя Григорьевна к решению шапшинского вопроса, какие только не использовала возможности, чтобы остановить наступление деловых людей на кедровник. Весь биологический факультет Тобольского пединститута, где она училась, откликнулся. А потом как-то смотрели в школе телевизор, как раз выступал Сергей Александрович Образцов со своими куклами. Он сказал, что занимается и охраной природы. И Зоя Григорьевна с ребятами написали ему письмо. Через два месяца пришел ответ, что шапшинским вопросом он очень заинтересован. Очевидно, он выступил тогда на экологической конференции в Москве, и вырубки кедрача прекратились.

Наступило затишье, но Зою Григорьевну волновало то, что лес все равно ничем и никем не защищен. Надо было сделать так, чтобы его передали школьному лесничеству, чтобы появился документ, запрещающий любую хозяйственную деятельность. Как это сделать, Зоя Григорьевна мало знала. Но консультировалась со специалистами, много писала писем. И хотя ее обвиняли в том, что она противник строительства новой Шапши, она не уставала доказывать: лес должен стать заповедной зоной, кедрач нельзя пускать под топор. Но на глазах у всего поселка, у детей 23 гектара кедров были все же вырублены. Но наконец, после многочисленных приездов комиссий разного уровня, после неустанных разбирательств, на которые, кстати, Зою Григорьевну никто никогда не приглашал, наступило затишье.

Как бы горько ни было на душе, она свою боль не выплескивала на детей. Зачем им знать столько прозы жизни? Ходила с учениками по-прежнему в лес и вводила их в тайны лесного бытия. Со старшими проводила научные экспедиции. Узнали они, что в Шапшинском лесу, много лекарственных расте-

Человек на земле

ний, ребята насчитали их 53 вида. С детьми помладше наблюдали за белочками, птицами. Была радость, было удивление. Но идиллической картины не выходило. Люди, живя рядом с лесом, загрязняли его безбожно, и порой прямо на глазах у детей. Хотя, конечно, все в поселке происходит на глазах. Но когда на поляне, замечательной поляне, где так много росло орхидей, грушанки зеленой, пестролистника, майника устроили помойку, первыми встревожились именно дети. Ну, почему, почему им нельзя бегать босиком по траве? Почему нужно такую прелестную полянку отдать для складирования мусора? Этого их детские души понять не могли. Но зато хорошо поняла Зоя Григорьевна: никакого затишья нет, продолжается наступление на природу, а значит и на нее, человека, защищающего природу.

Но как все же пробудить в людях экологическое сознание? Один путь Зоя Григорьевна знала твердо: в детях надо воспитать чувство бережного отношения к природе, пусть они ее любят и никогда не губят. Боже мой! Сколько можно сделать хорошего в том месте, где ты живешь! Только нужно захотеть сделать это, вовремя увидеть и заняться делом. Вот здесь Зоя Григорьевна и спотыкалась. На действия иногда не хватало сил. Откуда им браться, если кругом недоверие к ней. Но надежда жила все же. Надежда на новое поколение, на своих учеников.

Сейчас у Зои Григорьевны совсем другое настроение. Никто не мешает жить и работать так, как она хотела. Есть теперь заповедная зона, и экологическая тропа, о которой столько мечталось. Теперь пришло их время — время людей, фанатично преданных идее сохранить лес другим поколениям. Еще много в нем различных насекомых, их даже приезжают собирать ее знакомые, ученые-биологи. Два совершенно неизвестных раньше вида муравьев нашел биолог Вячеслав Аркадьевич Колесников. А с ботаником Павлом Петровичем Гриценко нашла Зоя Григорьевна в Шапшинском лесу редкое растение из вида фиалок. Его отправила в Ленинградский институт и пришел ответ: растение уникальное.

Без таких людей, преданных своему выбору защищать природу, у Зои Григорьевны, как она однажды сказала мне, не было бы никогда крыльев. Они дают ей заряд, подталкивают к поискам. Не так давно с ребятами они нашли редкий гриб-ежевик, уже давно занесенный в Красную книгу. Тоже отправили в институт специалистам. И в этом общении, в переписке с научными сотрудниками ее отдушина.

Сейчас Зоя Григорьевна все чаще обращает внимание своих учеников на то, что ее больше всего волнует: грязным становится лес. От них же, от самих людей. Один раз во время экскурсии вытащили на дорожку весь мусор и сожгли его. Другой раз ребята сами предложили сжечь хлам. А потом уже без учительницы пошли в лес заниматься его очисткой. То же самое и на берегу реки сделали, весной ведь после стаивания снега открываются невероятные наслоения различного мусора. Так разве это плохо, что дети сами, без ее подсказки, увидели, где можно свои силы приложить и какое доброе дело сделать.

Да, простым состраданием природе не поможешь. Нужна работа. И она может начаться с самого малого. Принесли как-то ребята раненую птицу. Филина. Стали ухаживать за ним, он уже начал есть, летать. И все ждали, что можно будет его выпускать со дня на день. Но опоздали. Разбилась птица о клетку. Так вот, надо не опаздывать. Вовремя нужно свои замыслы осуществлять. Но ведь не все сразу заметишь, не все знаешь, что вокруг

Человек на земле

происходит. А вот именно от этого страшно становится, что ты даже не знаешь, какую жестокость по отношению к природе могут допустить твои же соседи. «Вот это самое страшное», — говорит Зоя Григорьевна.

Единомышленников у нее становится больше, но плохо еще сплываются люди и в единое русло не вливаются. И все же проникаются некоторые соседи Зои Григорьевны теми же заботами, что и она.

— Вы посмотрите на поселок летом, ведь он весь в цветах! — Зоя Григорьевна мечтательно улыбается. — Когда я сюда приехала, здесь очень мало цветов сажали. А сейчас только и обмениваются семенами, только и выхаживают если не георгины, то астры. А осенью даже праздник букета провели. И ведь через детей все это к их родителям приходит. Вместе они думали и гадали, каким букетом удивить, как его составить. Это же культура, это же творчество. Ну, это просто красота. Ведь можно Шапшу садом цветущим сделать.

Я слушаю Зою Григорьевну, и душа моя отдыхает. Я в прошлые встречи переживала вместе с нею из-за долгой беспросветной полосы в ее жизни. И вот сейчас не могу не любоваться ее энергией. Я вижу, что сил в ней прибавилось, и что силы эти с пользой расходуются. И я спросила, не захотела бы она стать мэром своего поселка, уйти из школы и заниматься вплотную всеми поселковыми заботами? Она ответила, что в мэры пойти могла бы, силы в себе чувствует достаточно. Но никогда не сделает этого шага, потому что беспредельно любит школу и своих детей. А выдвигать — выдвигали ее односельчане, она ведь депутат народный. И как депутат она никогда не откажется помочь поселку, но учительство — это ее дело. Она закладывает в детях нечто, что когда-нибудь все равно проснется — любовь к природе, к тому месту, где они живут.



ПО СТРАНИЦАМ «КРАСНОГО СЕВЕРА»

«Обдорская слобода»

Так назвали салехардские журналисты двух-страничную минигазету в своем еженедельнике, адресованную жителям столицы Ямало-Ненецкого автономного округа.

В седьмом номере газеты объявлено о возникновении инициативной группы по организации патриотического общества «Обдория». Группа энтузиастов предлагает единомышленникам объединиться для собирания местных песен, сказок, описаний традиций, обрядов, игр, семейных летописей. Готовится фотовыставка «Обдорск трех поколений». Есть мечта создать муниципальный музей в старой, заповедной части города, которому в 1995 году исполнится 400 лет.

Ежегодные Лапцувские чтения

Проведение их, дань памяти замечательного ненецкого поэта Леонида Васильевича Лапцуя, становятся доброй традицией у наших соседей — ямальцев. В нынешнем году чтения совпали с 60-летием со дня рождения поэта и вызвали особый интерес. Проводились они с февраля по апрель, участвовали писатели и журналисты, фольклористы, педагоги и учащиеся всех учеб-

«Наш Салехард, — говорится в обращении, — заслужил всех подобающих современному человеческому обществу условий жизни: удобного жилья, красивых чистых улиц и площадей, дворцов и музеев, памятников, школ. Наше общество могло бы в совместной работе, поиске найти новые идеи и решения для исторического возрождения города».

Одна из инициаторов «Обдории» — историк-краевед, методист станции юных туристов Людмила Ивановна Родионова — начала публикацию в «Красном Севере» серии статей под рубрикой «Путешествие по историческим местам Обдорска».

ных заведений, сотрудники и актив музеев и библиотек, клубных учреждений. Организацию и проведение многих встреч с земляками взяла на себя жена и друг поэта, кандидат педагогических наук, заслуженный учитель школы РСФСР Елена Григорьевна Сусой.

В девятом номере «Красного Севера» этому событию посвящена отдельная страница. Среди публикаций — стихотворение Натальи Грудниной «Памяти Леонида Лапцуя». Поэтесса, которую Лапцуй называл своей «литературной мамой», более двадцати лет переводила его стихи.

Топонимические штампы

Что подумает человек, если ему перечислить такие географические названия: село Ныда, совхоз «Ныдинский», Ныдинская компрессорная станция, Ныдинский водозабор, железнодорожная станция Ныда? Он, наверное, подумает, что речь идет о каком-нибудь крупном населенном пункте, выпускающем сельхозпродукцию, транспортирующем газ, добывающем воду, пользующимся услугами железнодорожной сети. И процентов на 80 ошибется. В захудалом селении с природном газе только мечтают, водоснабжение допотопное, а о станции с одноименным названием и не подозревают. Рельсы здесь и в глаза не видели.

Все эти объекты на десятки километров рассыпаны один от другого. У людей, дававших им названия, неважно оказалось с фантазией. Они рассудили, что раз местность пересекает река Ныда, очень красивая, кстати, то почему бы не воспользоваться этим обстоятельством, обозначая на карте новую точку. И зарябило в глазах от топонимического однообразия...

Когда в Надыме открылся магазин «Юбилейный», никто не подозревал, что родился новый штамп. Но случилось именно так. Заложили полевой вагон — городок на Правой Хетте. Пусть будет Юбилейным, решили крестные отцы. Открыли между Пангодами и Уренгоем месторождение, нарекли и его тем же именем. Та же незавидная участь была уготована новому Дому культуры в Пангодах. Гулять так гулять. Вот так и гуляют по карте района названия — близнецы.

В. Камов

ОРНАМЕНТ «ЧЕЛЮСТЬ ЛОШАДИ»

НА рисунке даны варианты орнамента, который мастерицы реки Казым называют лов унгал оланг (букв. лов-лошадь; унгал-рот; оланг-около), а переводят это выражение многие авторы публикаций по орнаменту, да и сами мастерицы, владеющие русским языком, как «челюсть лошади».

В настоящее время ханты реки Казым, живущие традиционной жизнью, где именно и сохраняется орнамент, это рыбаки, охотники, оленеводы. Коневодством они не занимаются. Однако если мы углубимся в фольклор, религию, обрядовые праздники, то обнаружим ярко выраженный культ коня, который, во-первых, выражается в том, что наиболее почитаемые боги земли Казымской Ас тый ики (Верховьев Оби мужчина), Ем вож ики (Священного города мужчины), и Лев кутуп ики (Середины Сосывы мужчина), в одном из священных образов, т. е. в одном из проявлений на Земле (а таких проявлений множество) — это всадники на конях, белом, черном и красном соответственно. Здесь попутно хочется указать на следующую параллель с русским фольклором. Впервые у Т. Т. Тебетевой из Казыма я столкнулась с тем, что картина Васнецова «Три богатыря», где изображены русские былинные герои Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович, осознается как изображение хантыйских богов, и такое восприятие характерно почти для всех мастериц.

В обрядовых праздниках культ коня проявляется в том, что самой угодной Небу жертвой при жертвоприношениях является лошадь.

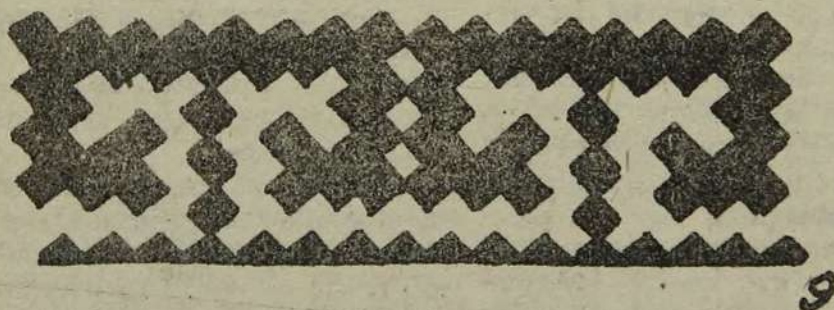
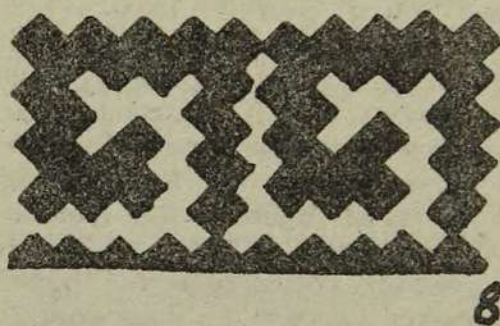
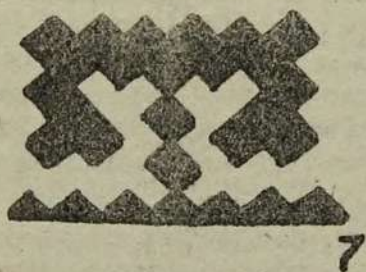
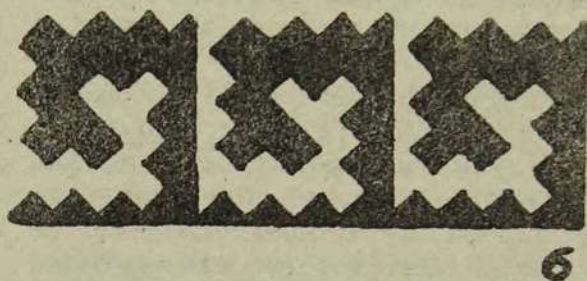
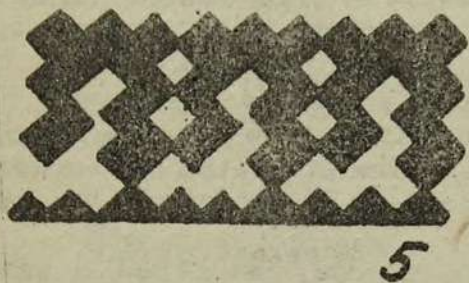
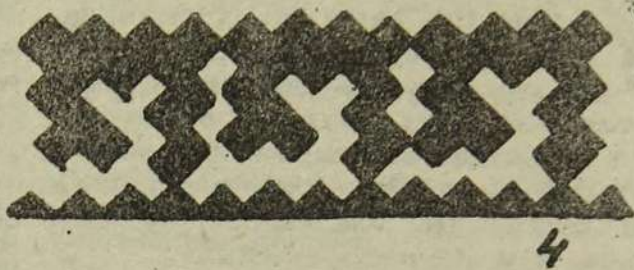
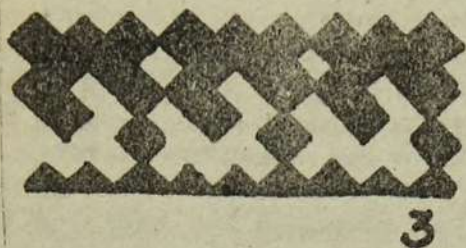
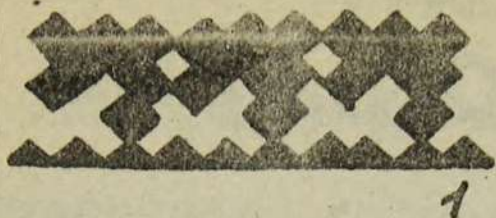
Откуда же у лесного народа культ коня? По теории одного из виднейших исследователей обско-угорской культуры В. Н. Чернецова, подтверждаемой многими исследователями, культура народов ханты и манси состоит из двух компонентов. Во-первых, это пришлая степная коневодческая культура угро-

язычного народа, которому и принадлежит культ коня, а второй компонент — местный, западно-сибирский, который сохранился в наши дни в форме культа медведя. В настоящее время в науке существуют исследования, которые указывают на иранские корни пришлой культуры, особенно это касается культа коня. А в поклонении всаднику на белом коне, богу Ас тый ики у казымских хантов или Мир суснэ хуму у манси исследователи видят аналогию с иранским солнечным божеством Митра, также облетающим Землю на белом коне, и доказывают их взаимосвязь.

Итак, изображение коня в линейно-геометрическом орнаменте — это дошедшая до сегодняшнего дня память о каких-то бесконечных степных просторах и высоком божественном происхождении людей. Это знак, который будоражит душу лесного народа, вызывает из глубин подсознания чувство сопричастности к деяниям сверхчеловеческим, поднимает на уровень божеств, вливает силу, энергию. Почти на каждом сахе — меховой шубе казымских мастериц обязательно есть этот орнамент, в многократном повторении мотивов которого на сознательном (у пожилых мастериц) или неосознанном уровне воспроизводится вновь и вновь духовная сила человека.

Названия орнаментов, приведенных на рисунке, следующие: 1,2,3 — ай лов унгал оланг («челюсть маленькой лошади»); 4,5 — лов унгал оланг («челюсть лошади»); 6 — лов унгал оланг шэп эватман («челюсть лошади, отрезанная пополам»); 7 — лов унгал оланг кат пялака («челюсть лошади на две стороны»); 8 — вон лов унгал оланг («челюсть большой лошади»); 9 — вон лов унгал олан. кат пялака («челюсть большой лошади на две стороны»).

Т. МОЛДАНОВА



Варианты узора челюсть лошади.

ИСТОРИЯ, БЫТ, КУЛЬТУРА

ЮГАНСКИХ ХАНТЫ

Охотничий промысел

ГЛАВНЕЙШИМ занятием, имеющим первостепенную важность в жизни юганских ханты, во все времена была охота. Охотой они кормились, она их одевала и обувала. Меха ценных зверьков шли в обмен на всевозможную домашнюю и хозяйственную утварь. Хотя были времена, когда охотники шкуру выдры подклеивали к лыжам, а из соболей шили рукавицы. Меха променивались на продукты, ткани и украшения. Словом, охотой они жили. Охотничий промысел двигал охотника к действию, он приносил ему заботы, радости и печали.

Для добычи животных и птиц нужны были охотничьи приспособления, и юганские ханты их имели. Да какие! Некоторые охотничьи самоловы прошлых веков не нашли себе замены и сегодня. Несложные по устройству и в пользовании, выполненные из деревянных деталей, доведенные до совершенства, они поражают своей оригинальностью. На каждый вид животного или птицы — особое орудие, рассчитанное на использование в любых атмосферных условиях. Для них не помеха снег, ветер, дождь, мороз, оттепель и не нужна приманка. И что поразительно, в отличие от современных самоловов, зверек или птица не мучается в ловушке, ожидая свою гибель, и не портится мех. Конструкция позволяет убивать жертву мгновенно.

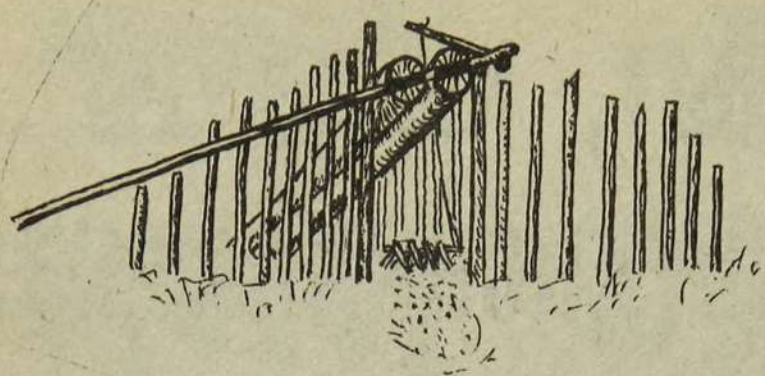
Да, юганские ханты — великие мастера по части изобретения охотничьих самоловов. Их применяли множество. Огнестрельное оружие они получили возможность приобретать только лишь в XIX веке, и то это была большая редкость. Да и позднее оно приживалось медленно, охотники, от роду привычные к своим вековым способам промысла, долго не доверяли ружьям.

Лично я имел удовольствие наблюдать, как старая охотница-ханты из юрт Тайлаковых при наличии охотничьего ружья не расставалась с луком. И я убедился, что она была права. Белку она искусно сбивала с дерева стрелой с утолщенным наконечником, не нанося повреждений шкурке и меху. Да и тупая стрела всегда возвращалась в ее колчан.

Особое удивление и восторг вызывают такие ловушки, как самолов давящего действия «черкан». Он не идет в сравнение ни с какими самыми современными капканами. Применяли его на несколько видов зверьков, а особенно он незаменим при добыче белки. Не менее удачны и такие ловушки, как слопцы-кулемки — как на зверей, так и на птиц.

Во многих случаях юганские ханты применяли лучные самострелы. Они устанавливались и на самых крупных животных: лося, медведя, оленя, и на мелких пушных зверьков. На каждый вид животного или птицы — особая стрела, а соответственно и величина лука, и его силовые качества. На лося

1.



2.



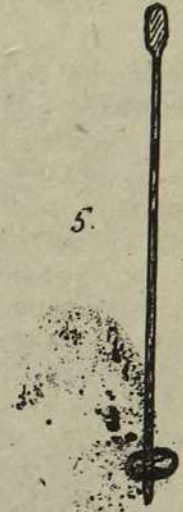
3.



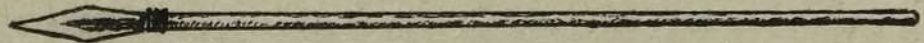
4.



5.



6.



7.



8.



1 — кулемка на глухаря; 2 — на зайца; 3 — охот. лыжа мужская; 4 — льжка женская; 5 — охот. посох; 6 — копье на медведя; 7 — боевое копье; 8 — отчет о медвежьей охоте.

и медведя длина лука может быть более двух метров и более метра стрела.

В прежние века наконечники стрел изготавливали из камня или кости. Затем появились металлические наконечники. Во всяком случае, железные боевые наконечники, которые мне удалось обнаружить, относятся к 15—16 векам. Особые привязные стрелы гарпунного типа применялись на бобров и выдру.

Способы охоты с помощью лучных стационарных самострелов были запрещены в первые годы советской власти. Но некоторыми охотниками применялись еще до недавнего времени, пока в их местах не появились изыскательские экспедиции.

Для добычи медведя применялись большие кованые капканы. Чтобы зверь не смог скрыться от своих преследователей или незаметно затаиться, а затем напасть, к капкану на цепь приковывалась чурка. Применялись и петли. В недавние годы петли успешно применяли и для добычи лосей. В местах перехода лосей сооружалась изгородь-засека, составлялись ворота, где и устанавливалась петля. Этот способ теперь запрещен, потому что в петлю может попасть молодняк или самка. Запрещен также промысел медведя капканом, который настолько велик, что человек, попавший в него, явно обречен — если не на гибель, то на инвалидность.

Охотничьи угодья между родами всегда были разграничены речками, озерами, болотами и т. д. Этим правил охотники придерживаются и до сих пор. Изменить их могут лишь по согласию сторон. Если раненое стрелой животное зайдет в угодья другого охотника и он его обнаружит, то без промедления сообщает об этом своему соседу. Если, конечно, сохранится наконечник стрелы. У каждого рода на наконечнике стрелы своя метка, соседи об этом знают.

Большую помощь охотнику оказывает собака. Ведь осенний сезон, до глубокого снега, она верно служит своему хозяину. Западносибирская лайка поистине универсальная собака, в ней природой заложены все лучшие охотничьи качества: ее не нужно специально на-

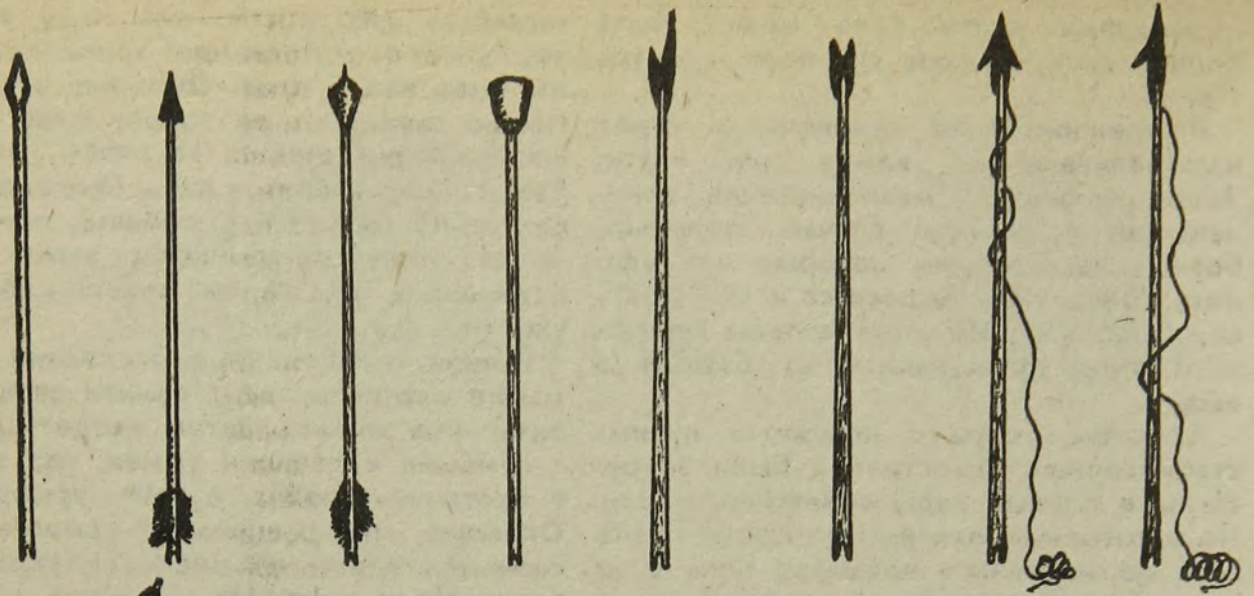
таскивать для охоты, она сама знает, как нужно охотиться, идет за всеми видами животных и птиц. Охотнику остается только запрещать ей то или иное увлечение. Лайка кинется за лосем, медведем, соболем, облает дичь, белку, достанет птицу из воды. С собакой охотник-ханты встает на лыжи, а затем весь оставшийся охотничий сезон работает уже без нее.

Ранний, или осенний охотничий промысел охотники ведут вблизи своих капитальных жилищ. Затем уходят вместе с семьями в дальний урман, где живут в охотничьих избах, а чаще временках. Оленные перемещаются вместе со своими стадами на оленьих упряжках в несколько нарт. Не имеющие оленей добираются своим ходом или с помощью собак. Иногда предварительно готовят для этого лыжню.

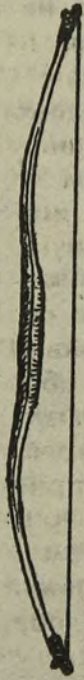
Юганские ханты ходят на широких лыжах. На первый взгляд, это непомерно тяжелые и громоздкие лыжи, но на самом деле это далеко не так. Ширина охотничьей подволоки до тридцати сантиметров, но если учесть, что снег в тайге рыхлый и на узких лыжах просто невозможно ходить, то сомнения сразу же отпадают. Кроме того, доска очень тонкая, так что и сравнительно невелик вес. А главное — лыжа подклеивается камусом, и как бы она ни прогибалась, она не ломается. Короткий эластичный мех бесшумно скользит, а при подъеме в гору лыжа не сдает назад. Нога с лыжей соединяется ремненными креплениями и укрывается полотняным чехлом, таким образом под подошву не попадает снег, уютнее и теплее ноге. Охотник на таких лыжах подволоках может ходить долго и быстро и носить при этом большой груз. Таким лыжам и сегодня нет замены. Их тоже нужно отнести к одному из замечательных изобретений юганских ханты. И в этом случае они проявили большое мастерство.

Самый незаменимый мех для подволоки — нижняя часть ноги лося, отличающаяся прочностью шкуры, эластичностью, устойчивостью к износу и погодным условиям. О таких лыжах мечтает сегодня каждый охотник. Для одной пары лыж требуется шесть пар лосиных ног, так что позволить себе такую

1.



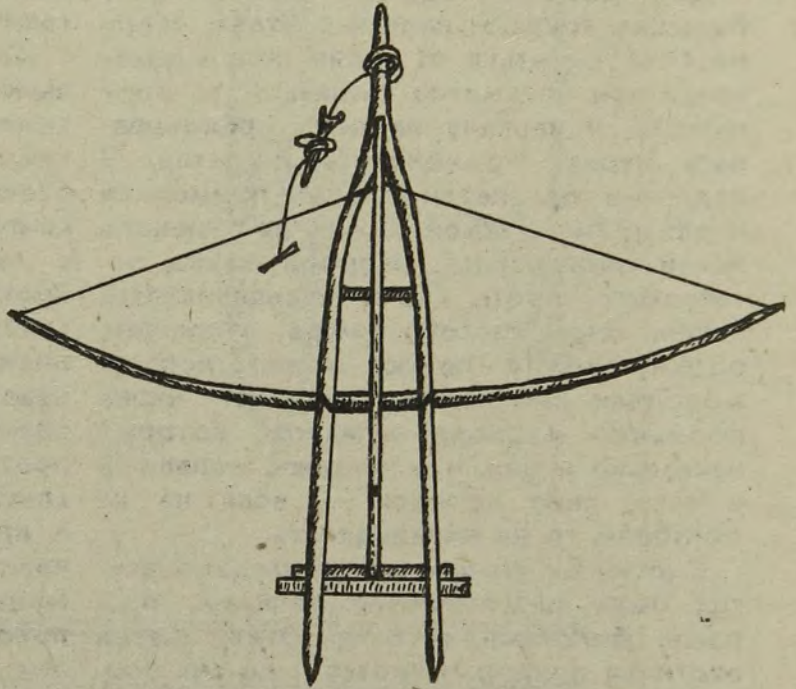
2.



3.

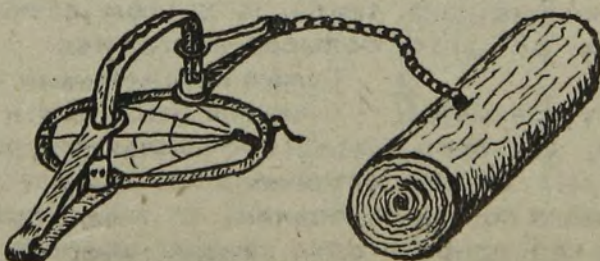


4.



5.

6.



1 — стрелы; 2 — лук-самострел; 3 — сложный боевой; 4 — охотничий; 5 — черкан; 6 — капкан на медведя.

роскошь сегодня могут лишь охотники ханты.

Одним из главных видов промысла является охота на белку. Количество этого ценного зверька зависит от урожая кедрового ореха. Как известно, белка мигрирует, она может прийти или уйти. Бывали годы, когда некоторые охотники добывали в один день по пятьдесят белок.

Ханты владеют еще одним удивительным, только им известным способом: они находят дерево и место, где затаилась белка, даже в том случае, если она не оставила на снегу ни одного следка. Эту тайну не смогли постичь даже бывалые русские охотники.

Беличье мясо, мягкое и вкусное, также является одним из лакомых блюд ханты.

Соболиный промысел до последних лет осуществлялся путем выслеживания. Это объясняется тем, что соболь не всегда в этих местах в изобилии. Были периоды почти полного его исчезновения. И охотник, встретив однажды след соболя, не мог себе позволить оставить его в покое и ждать, когда он попадет в ловушку, тем более, что он мог быть проходной. Ценность этого меха охотники поняли еще в прошлые века, хотя для своих нужд его почти не употребляли. Выслеживание соболя иногда продолжается несколько дней. Охотник вынужден ночевать в лесу у костра и довольствоваться чем бог пошлет. И вот, наконец, нора — в снег, под коренья, в колодник. Охотник быстро и ловко обтягивает сеткой место вокруг норы. Все это он старается делать бесшумно, чтобы не спугнуть зверька. И когда все готово, выгоняет его и ловит, если тот запутался в сети. Если соболь вскочит на дерево, то отстреливает из лука. Таким методом охотились да охотятся еще и теперь, иногда даже при наличии современного ружья. В настоящее время для отлова соболя после охоты с собакой применяют современные капканы.

Основные виды промыслового пушного зверя — белку и соболя — дополняют такие, как заяц, лиса, выдра, колон, изредка росомаха, в прошлом — рысь, бобр. Водятся в небольшом количестве европейская и американская норка и

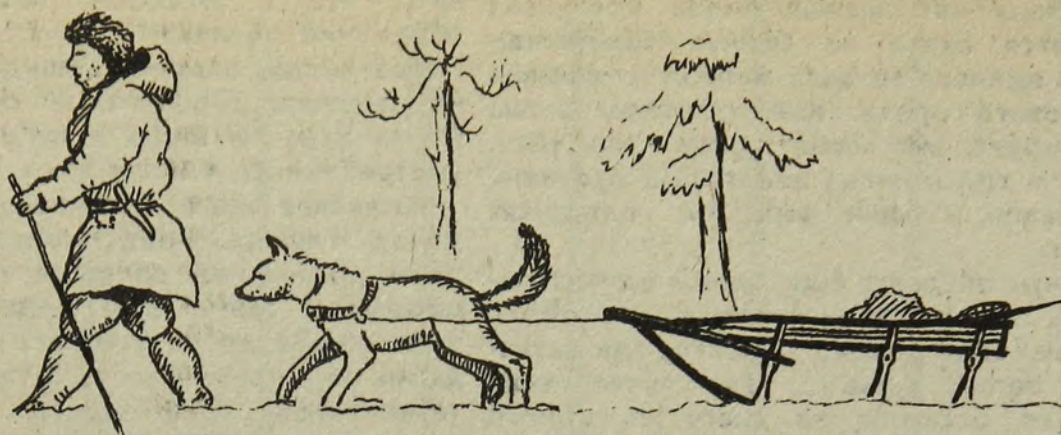
ондатра, завезенные в сороковых-пятидесятых годах. К этому следует добавить, что в юганских лесах водятся бурундуки и скрытный ведущий ночной образ жизни зверек, дошедший до нас из далекого прошлого — белка-летяга. Почти все эти виды у юганских ханты употреблялись в пищу.

Юганская тайга изобиловала боровой дичью. Глухарь, представитель древнейшего рода птиц, является главным украшением тайги. Еще недавно можно было свободно любоваться этими гордыми царями нашего леса. Весенние тетеревиные тока гудели песнями и шумным весельем сотен птиц. В еловых и березовых рощах перепархивали десятками взбудораженные рябчики. А по поймам рек и речушек, по ивовым зарослям сновали табуны белых куропаток. Но, к сожалению, все это было, и было-то, как ни удивительно, всего лишь десяток-два лет тому назад.

Водоплавающую дичь ханты всегда оставляли в покое и в пищу ее не использовали. На боровую дичь охотились в том случае, когда отсутствовало лосиное или оленье мясо.

На однодневную охоту ханты ходит обычно в одиночку, но если кому-нибудь удастся обнаружить медвежью берлогу, то такая охота обычно осуществляется сообща. Посоветовавшись, охотники назначают день охоты. Лаз в берлогу запирают накрест жердями, концы которых привязывают к деревьям, или вставляют вершину ели, чтобы зверь не смог разом выскочить. Улучив подходящий момент, колют зверя, стараясь попасть под челюсть, в шею. Копье считается самым надежным и грозным оружием. Даже при наличии ружья ханты на медвежьей охоте не расстаются с ним. Когда охотник держит наготове ружье, то конец копья лежит на носке ноги, в случае неудачного выстрела, или осечки он подбрасывает ногой рогатину и, перехватив руками, пускает ее в дело.

В отличие от северян, юганские ханты копье готовят на месте охоты, для этого подбирают полусухую ель. На конец двухсаженного древка крепится металлический наконечник с двухсторонним лезвием. После охоты наконечник снимают и упаковывают в походную сумку.



Походы, поездки.

На облюбленном дереве топором делают насечки отмечающие, сколько было участников охоты, сколько добыто зверей, какого пола и возраста. Таким образом они как бы отчитываются о честной охоте, не отрицая случившегося.

Одежда

ОДЕЖДА у юганских ханты, как и у многих народностей, определяется резко меняющимися климатическими условиями. В отличие от северных соседей, у юганских ханты одежда распашная. Наверняка это оттого, что территория обитания юганских ханты в основном лесная, урманная, менее продуваемая ветрами. В этих условиях распашная одежда удобнее в пользовании. Хотя и у здешних ханты — у тех, которые еще имеют оленей — имела, да и теперь имеется верхняя одежда из меха оленя «гусь», надеваемая через голову, глухая. Такая одежда незаменима в поездках на оленях и на собаках. В ней можно спать лежа прямо на снегу.

При дальних поездках к такой одежде полагается и специальная обувь. Это кисы, сшитые сухожильными нитками из специально заготовленных оленьих лап. Лапы после выделки обрабатываются дымом, чтобы уберечь их от порчи насекомыми. К тому же, после такой обработки кисы меньше промокают. Полосы на кисах делают различной ширины с разным цветом меха, в зависимости от фантазии мастерицы, и украшают орнаментом. Голенища — по длине ног, верх крепится ляжками за пояс, под коленкой перевязывается шнурком с кистями. В такой обуви да еще с меховыми чулками — чижками, можно ехать в любой мороз.

Кроме зимней верхней меховой, изготавливают легкую нижнюю меховую одежду. Прежде летом мужчины носили кожаные штаны и рубахи, причем, рубахи были ниже колен, они напоминали женские платья. Шкуру умели выделывать так, что она превращалась в мягкую и эластичную ровдугу — подобие замши.

Ханты часто и много ходили босиком в летнее время и круглый год — без головного убора. Такая закалка

с детства уберегала их от простудных заболеваний.

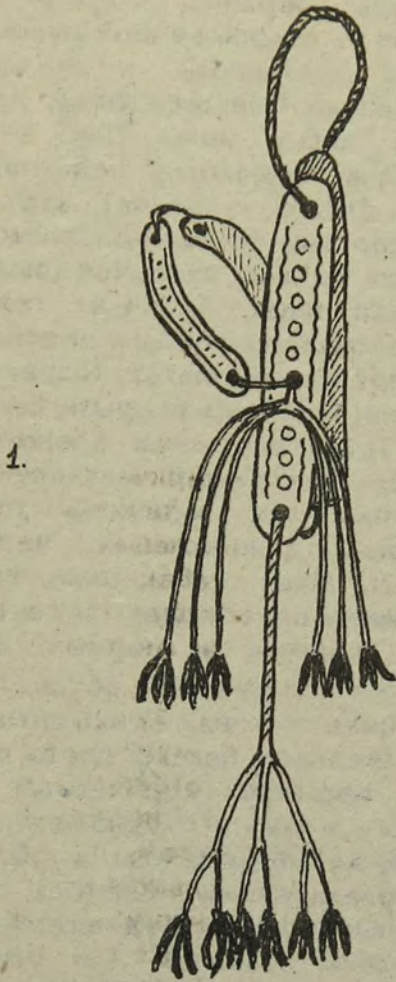
Они хорошо научились готовить непромокаемую обувь. Без такой обуви рыбалка в зимнее время просто невозможна (в сорокаградусный мороз резиновые сапоги не оденешь).

Теперь верхняя одежда охотника состоит из обыкновенной русской шапки, зимних «ныриков» и подпоясанного полотняным поясом «сака», на котором всегда висит нож. Сак — верхняя распашная одежда, подбитая легким мехом (чаще — зайца), верх покрывается прочным белым полотном, воротник из меха ценных зверьков (выдры, соболя), лап лисы, белчих голов и др. Подпоясываются белым поясом. На шею одевают белый платок. Нырики меховые изнутри, голенища покрыты белым полотном. Такая охотничья одежда в целом приобретает белый маскирующий вид.

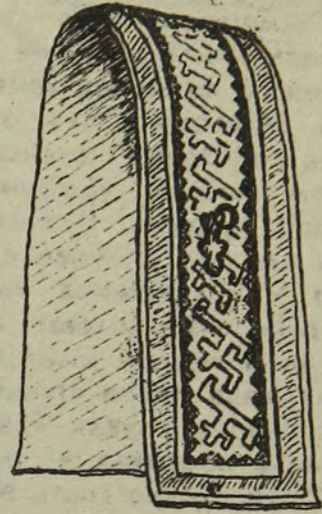
Летний сак мужчины тоже чаще меховой, длиннополый, верх покрыт сукном. Цвет сукна, как, впрочем, и у женщин преобладает зеленый и синий, реже желтый и черный. У мужчин имеется праздничная обувь, изящно украшенная сложным орнаментом. На фоне естественного белого цвета выделанной кожи эффектен коричневый цвет врезанного и вшитого орнамента.

Все детали одежды и обуви, иногда измеряемые в миллиметрах, сшиты сухожильными нитями удивительно мелким и четким стежком. Так искусно шить могут только женщины-северянки. Сами они готовят и краску — «вечную», так бы я ее назвал. В основу берется кора лиственницы. Однажды раскрашенная деталь обуви или одежды сохраняет свой цвет до полного износа, никакая современная краска не сможет выдержать такие условия: дождь и ветер, мороз и солнце.

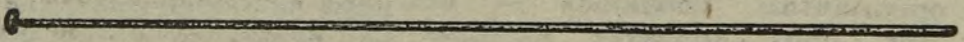
Женский сак искусно украшается орнаментом из бисера. У женщин-ханты одежда тоже делится на зимнюю и летнюю. Зимняя — из сукна, летняя из сатина или другой материи. Бисером украшаются почти все виды женской одежды, набираются также орнаменты из пуговиц, меха. Мехом украшается как зимняя, так и летняя одежда. Оторачиваются воротник, запашная пола по вертикали, низ сака и рукава.



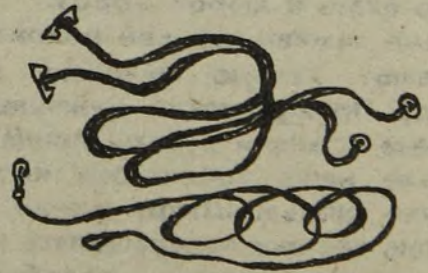
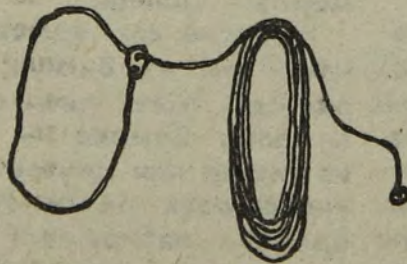
2.



3.



4.



5.

1. Уздечка. 2. Седло. 3. Хорей. 4. Аркан. 5. Вожока и тяжи.



Чаще всего для этой цели используется мех выдры, как самый стойкий при носке. Со старой, изношенной одежды его можно перешить на новую.

Пальто-сак или платье обязательно подпоясывается широким поясом, длинные концы свешиваются сзади. Пояс зимний делается из сукна, летний из легких тканей. Цвет преимущественно красный и желтый. Голова женщины покрыта в течение всего года платком или шалью. В прежние годы женщины любили носить платки красного цвета. Яркие цвета, естественно, привлекали их, так как вокруг в основном были привычные природные цвета, зимние и летние.

Обувь женщины носили тоже под стать мужской с небольшими различиями. Детей одевали точно так же, только детский костюм дополняли еще и набором всевозможных украшений из пуговиц, бисера, бус, бубенчиков и других мелких вещей. Все это нашивается на специальную ткань, подшивается к воротнику сзади, иногда спереди. Набор всевозможных цепочек и других украшений крепится и к детскому поясу.

Постоянный атрибут одежды женщины — нож на поясе, в деревянных ножнах, иногда обделанных металлической чеканкой. Нож служит необходимым инструментом в быту, а поэтому всегда должен быть под рукой, носит его даже и ребенок. Вдобавок к ножу ханты в большинстве случаев имеет

за пазухой табакерку. В отличие от русских, у ханты в табакерке не нюхательный табак, а специально приготовленная масса с табаком, которую они закладывают за губу. Таким способом пользуются, кстати, многие другие народы мира. Возможно, поэтому ханты редко мучаются зубной болью. В прошлом многие мужчины и женщины курили трубки. Готовили их из березового капа, за неимением спичек пользовались огнем, все это укладывалось в специальном кيسете с несколькими кармашками, искусно украшенном мехом и бисером.

Так как на одежде ханты не предусмотрено карманов, то все вещи хранили за пазухой. Отсюда и необходимость всегда подпоясываться. Вместо панталонов женщины до недавнего времени носили специальные женские пояса. Этот вид одежды они скрывали от постороннего глаза, даже от мужа. Зимняя одежда, как и у мужчин, тоже подбивалась мехом. В целом все это составляет комплект легкой и удобной в быту одежды.

Следует отметить, что портняжным делом занимаются только женщины. Удивительная особенность их мастерства заключается еще и в том, что они не пользуются специальными выкройками-шаблонами. Они все детали определяют на глазок или по старой одежде, или снимают размеры прямо с того, на кого собираются шить.

ДЕРЕВЯННЫЕ ГЛАЗА

«Когда я их в первый раз надел, — вспоминает Юрий Вэлла, — был вечер. Я поглядел на солнце на закате. Оно показалось мне огромным. Его верхний край заходил за верх «деревянных глаз», а нижнему, казалось, нет конца. Когда я их снял — солнце ослепило меня. Теперь мне не нужно было доказывать, зачем нужны защитные очки».

Это случается весной, когда все вокруг становится ослепительно белым и приходится до предела напрягать зрение. Это время называют периодом «сияния снегов». Глаза воспаляются, слезятся, начинают болеть и вскоре наступает слепота.

Для защиты глаз люди принимали самые разнообразные меры. Закрывали глаза черным крепом, пользовались сетками из конского волоса и шелковыми вуалями, кусочками меха.

Иногда для защиты от яркого солнца и сильного ветра использовали беличьи хвосты, нанизанные на шнурок, который завязывался на затылке. Такие налобники в прошлом применялись у различных групп восточных хантов и назывались они «ланге тулык» (ланге — «белка», тулык — «хвост летучей белки»). Подобные низки носили также для утепления шеи.

Однако наиболее надежным средством защиты глаз были очки в виде полумаски из сукна на подкладе, в который были вшиты овальные пластины из жести, меди или дерева. Прорези для глаз должны быть обязательно узкими. Одна из пословиц Олега Панкчевича из пос. Варьеган спрашивает, что же это такое: «Две моргалки кое-как течением проедены». Ответ всегда одинаков — «хэм пйя». Оправа «деревянных глаз» расшита, как правило, бисером или плетеным шнуром.

Интересно, что такие очки есть не только у людей. Однажды, говорится в сказке, ходил хант проверять мордушку, и заметил, что вроде бы горностаю рыбу таскает. Решил на него поставить капкан. На следующий день горностаю пошел охотиться и, увидев капкан, почувствовал себя очень оскорбленным. Он решил отомстить охотнику. Себе в союзники он взял инструменты, которыми пользуется человек.

Когда хант заснул, горностаю скомандовал слизистой доске, на которой разделяют рыбу, лечь около порога, точилу спрятаться над дверью за косяком, рыбному пузырю залезть в пепел, ветке шиповника — в кинчики, которые одевает хант, выходя на улицу. И, наконец, березовая заготовка для стружки и сверло стали по обе стороны двери.

Когда все приготовления закончились, горностаю шмыгнул человеку под рубашку, в самое теплое место и стал щекотать, да так, что тот не мог улежать на месте; подскочил он и бросился к чувалу, чтобы зажечь огонь. Но когда он стал дуть на золу, пузырь лопнул и засыпал цеплом глаза. Вскочил хант скорее в кинчики, чтобы выбежать на улицу, а колючки так впились в ноги, что человек не смог сдерживать крик. Только он дернул дверь, как сверху упало на голову точило. Поскользнувшись на слизистой доске, человек растянулся на полу. Березовая заготовка для стружки и сверло стали колотить его, пока тот не испустил дух.

Затем звери разделили все добро человека. Чирку, острохвосту и гагаре досталось золото. Оттого; у них бывает позолоченный хохолок. Гоголю-колокольчик, горностаю — собачья нарточка, которую он с тех пор возит за собой (хвост с черной кисточкой). Связь ничего не получил — ему нос помазали собачьим калом и от этого он у него с белой полоской. А вот турухтанам достались очки.

Приглядитесь к маленьким болотным куличкам, и вы обязательно вспомните эту сказку.

В. СПОДИНА, директор Мегионского музея.



Рис. А. Мухаметовой

Рыба, которая пахнет теплом.

Бывая в Сатыге в гостях у Е. А. Чейметовой, я пробовала разные ее блюда из рыбы: двойную и тройную уху, студень, рыбу соленую, сушеную, вяленую, жареную и т. д. Но вкуснее урака ничего не нахожу, а урак из карася во рту тает. В таком блюде соли мало, косточки отходят легко, сама рыба рассыпчата, но не суха. Когда берешь ее в руки, остается ощущение тепла и солнца.

О том, как делали урак в Евре и Сатыге, теперь уже бывших деревнях Кондинского района, рассказывает Екатерина Алексеевна Чейметова:

— У нас в Евре урак делали из любой рыбы: хоть окунь, хоть щука, хоть карась. Свежую рыбу распороть, почистить, выполоскать в воде и опустить на 20—30 минут в рассол. Рассол готовят с добавлением небольшого количества соли (как для бульона или любого супа) и всевозможных приправ. Я кладу все, что растет в огороде: укроп, петрушку, чеснок, лук, а также лавровый лист. Чем ароматнее рассол, тем вкуснее урак.

Затем вынимаю рыбу из рассола и даю ей обтечь, развесив на крючки на 2—3 часа. После этого раскладываю на противни и ставлю в русскую печь в вольный жар, предварительно убрав все угли, иначе рыба может сгореть. Обычно выдерживаю ее в печи до утра. Утром урак готов. Никогда не готовила его в электрической или газовой духовке и думаю, что в них вкус рыбы будет не тот, что в русской печи.

Сейчас делаю урак небольшими порциями, хотя дети и внуки очень его любят и когда собираются в моем доме все вместе, съедают заготовки за два вечера.

Раньше в колхозе урак готовили тоннами. Для этого существовали шохрупá — специальные помещения для приготовления вяленой, копченой, сушеной рыбы, в том числе урака. В шохрупах все было деревянное, кроме печей.

Бывало, мы, ребяташки, накупаемся в Евре, до дрожи и бежим в шохруп. Чья мать там работает, та и накормит нас. Ели урак, макая его в теплый рыбий жир. Пища вкусная и очень сытная.

Варили суп из урака. Сначала кипят картофель и крупа, а в конце варки добавляется урак, чтобы не разварился. Я и сейчас готовлю такие супы, и всегда моя семья ест их с удовольствием.

Также из урака делают муку, перекручивая его на мясорубке. В муке обваливают рыбные котлеты, и тоже это значительно вкуснее, чем в сухарях.

Записала Т. Козлова.

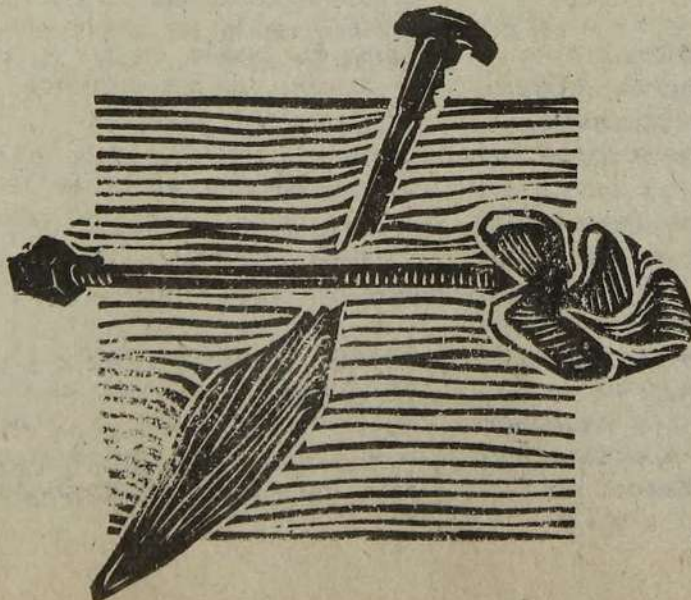


Рис. Г. Райшева.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Публикуемые искорки народной мудрости взяты нами из пятнадцатого выпуска «Ежегодника Тобольского губернского музея», изданного в 1906 г. В конце прошлого — начале нынешнего века этот музей был центром оживленной краеведческой работы. В 1901 г. тогдашний консерватор музея Н. Скалозубов и библиотекарь М. Филиппов составили программу собирания этнографических сведений и в значительном количестве экземпляров распространили ее по губернии, после чего в музей стали поступать различные материалы, включая и фольклорные.

Независимо от музея особенностями местной разговорной речи интересовался преподаватель Тобольской Мариинской женской школы В. Ивановский. Результатом соединения их усилий и стало опубликование в «Ежегоднике» более тысячи пословиц и поговорок. Свой труд собиратели считали далеко не законченным, а назначение публикации не в последнюю очередь видели в том, чтобы вызвать приток новых материалов.

Автор вступительной статьи В. Ивановский писал: «Употребительные в настоящее время пословицы, являясь, с одной стороны, выражением практической «народной мудрости», в то же время представляют собой и наследие старины, теперь уже вымирающей с распространением народных школ, переселенцев, железнодорожных путей и т. п. новых факторов и элементов в жизни губернии. Незаметно, но безостановочно и сравнительно быстро исчезают из народной речи старинные, в русском местном духе и стиле составленные, словесные орнаменты-поговорки и присловья, унаследованные от дедов. Нужно спешить записать остатки таких характерных произведений национального поэтического творчества: иначе они будут потеряны для потомства и науки навсегда».

Мы выбрали лишь небольшую часть из тысячи крылатых выражений, но, думаем, читатель и в ней почувствует дух народной сибирской жизни того времени.

* * *

Аким-простота: рукавицы потерял, а трои
за поясом.
Аржаная каша всегда сама себя хвалит.
Баба да корова — одна порода.
Базар цену становит.
Базар чистоту любит.
Баня моет, а сама вся в грязи стоит.
Без инструмента и блохи не убьешь.
Без соли, без хлеба худая беседа.
Без толку молиться—без числа согрешить.
Без хозяина дом сирота.
Ближняя копейка лучше дальнего рубля.
Бога обманул: просил кожи на две рожи,
а обтянул одну.
Богатого провожают, чтобы не упал,
а бедного, чтоб не украл.
Богатый — как хочет, а бедный — как
сможет.
Богач — на деньги, а голь — на выдумку.
Богу молись, а черта не гневи.

Богу на свечи, и себе на калачи.
Бог дорогой, а черт стороной.
Бог — на стене, обед — на столе,
руки свои, садись и ешь.
Борона сохе родная сестра.
Брат-то мой, да ум-то свой.
Была бы трава, будут и грабли.
Был конь, да изъездился.
Беда к беде вяжется.
Беден да честен, голь да не вор.
Бедны были, так сами лаяли, а богаты
стали, так собак наняли.
Велико да дико.
Вздохни да охни: об одной сохни,
а всех жаль.
Владей Ондрей кривой Натальей.
Вода вымоет, а хлеб выкормит.
Возьмешь лычко, а отдашь ремешок.
Воля мед пьет, воля и кандалы трет.
Вор ворует не для прибыли, а для гибели.

На одном дне семь пятниц.
На одном солнце рубашки сушили.
На пьяном шапку не поправишь.
Насильно колодезь копать — воды не
достать.
На то кузнец клещи кует, чтоб рук
не жгло.
На что мне корова, коли сама ворона.
На чужой стог вилами не показывай.
Наша невестка что попало трескят,
хоть мед, так жрет.
Наша рожа везде вхожа.
Нашел утку, потерял лодку.
Не богат, да славен: добры люди знают.
Небом крыто, светом горожено.
Не вздыхай тяжело: не отдадим далеко:
хоть за курицу да на свою улицу.
Не все переловишь, что по реке плывет.
Не гребень чешет голову, а время.
Не доглядишь оком, так заплатишь
боком.
Недосол на столе, а пересол на спине.
Не знаешь, где найдешь, где потеряешь.
Не знашь, — почем знашь;
не видал — как скажешь.
Не из тучи гром гремит, а из
навозной кучи пар валит.
Не нагостил, а напакостил.
Не надейся ни на лошадь, ни на лодку,
ни на жену молодку.
Не нами началось, не нами и кончится.

Не пекись об утрешнем, а пекись
о вечерошнем.
Не подъезжай со своим алтыном под
чужую полтину.
Не продашь душу в ад — не будешь
богат.
Не родит свинья бобренка, а все
поросенка.
Не сводники: сами охотники.
Не сердись на карты — снова тасуй.
Не складно, да ладно.
Не смотри в деле, а смотри в отделке.
Не смейся, горох, над бобами:
наваляешься и сам под ногами.
Не спрашивай, кто он, а спрашивай
с кем знаком.
Не спрашивают старого, спрашивают
бывалого.
Не суйся, пятница, прежде четверга.
Не тогда учат, как повдоль лавки,
а тогда, как поперек.
Не топи вора, который ворует,
а топи, который принимает.
Не удержался за уздечку, —
не удержишься и за гриву.
Не шла бы курочка на базар да за
хохолок ведут.
«Ничего»-то у нас и дома есть.
Нос фамильный, не любит стужи сильной.
Нет молодца, чтоб поборол винца.

[Окончание в следующем номере]





ОЧЕРК СУРГУТСКОГО КРАЯ

С. П. Швецов

ОБЩИЙ ОЧЕРК ГОРОДА И ОКРУГА

Пространство округа и характер природы. — Климат, орошение, почва. — Сравнительное богатство, представляемое округом. — Население, его племенной состав и численность. Местоположение города Сургута и его внешний вид. — Городское население. — Физические особенности сургутян — внешний вид, сила, рост и проч. — Происхождение сургутян-казаков, их исторические предания. — Некоторые особенности Сургута, как города. — Отношение к нему местного населения и жителей соседних округов.

На северо-восток от Тобольска раскинулся по обоим берегам Оби громаднейший Сургутский округ. Пространство, занимаемое им, — около 192,000 квадр. верст — представляет дикую, почти безлюдную местность, в различных направлениях прорезанную большими, многоводными реками и покрытую тысячами озер и топких болот, местность, в южной части поросшую непроходимыми девственными лесами, а в северной образующую не менее непроходимую, но голую, лишь мхом да мелкой порослью прикрытую, тундру. Границами округа служат: Тобольский и Березовский округа с юго-запада, запада и северо-запада, Туруханский округ Енисейской губернии с севера и востока и, наконец, Томский (Нарымский край) и Тарский с юго-востока и юга.

* Печатается фрагмент очерка.

Об авторе. Швецов Сергей Порфирьевич (1858—1930 гг.) — революционер-народник. Учился в Петербургском учительском институте, затем вел пропагандистскую работу в Череповце, Новгородской и Тверской губерниях. Арестован в Тифлисе в 1876 г. В 1878 г. приговорен к шести годам каторги, замененной ссылкой в Западную Сибирь, осенью 1880 г. сослан в Сургут. После отбытия срока наказания остался в Сибири; вел педагогическую работу, занимался изучением экономики, статистики и истории Сибири, прежде всего Алтая.

Климат в описываемом крае чрезвычайно суровый. Зимние холода наступают с конца сентября, реже с половины октября и прекращаются лишь в мае, случается, что зимою, несколько недель сряду стоят морозы не менее 40 градусов, двадцатиградусные же считаются чуть не оттепелью. Резкие северо-восточные ветры делают сургутский холод окончательно нестерпимым, убийственно действующим на непривычного человека.

Восьми-девятимесячная зима круто сменяется теплым и сырым летом. Последнему обстоятельству, т. е. сырости лета способствуют сильнейшие разливы орошающих округ рек Оби и ее притоков — Ваха, Агана, Пима, Югана и Салыма. Все эти многоводные реки со своими многочисленными и громадными притоками в весеннее время выступают из берегов и затопляют окрестности на сотни верст, и эта вода держится иногда до конца июля; озера и болота также разливаются от снеговой воды. Все это, вместе взятое, превращает округ месяца на 1,5—2 как бы в сплошное болото и трясины. Понятно, что такое изобилие воды не может остаться без влияния на влажность сургутского лета. Сырость и мириады комаров и мошек, наполняющих воздух и причиняющих невыносимые страдания людям и домашним животным, делают сургутское лето далеко не приятнейшим временем года. Несмотря на то, что скованную морозами за зиму землю довольно сильно печет солнышко (термометр поднимается до 20—30 градусов), почва, тундро-болотистая, местами песчаная, никогда не оттаивает глубже одного-трех футов.

Мы сказали выше, что южная часть округа покрыта лесами. Как ни громадны и не величественны эти леса (правильнее сказать, лес, так как он тянется сплошной полосой с запада на восток, нигде не прерываемый), но они не отличаются разнообразием древесных пород. Из лиственных, насколько нам известно, встречается лишь береза, да и то хорошо растет в более южных частях округа — южнее течения Оби; из хвойных же повсеместно распространены: кедр, лиственница, местами пихта, преобладающими же породами являются сосна и ель.

Сургутский лес, «урман», как его называют, это настоящая сибирская тайга, величавая и мрачная, в которую никогда не проникала нога сколько-нибудь культурного человека дальше двух-трех десятков верст от поселения, где лишь изредка, попадаются, и опять-таки в ближайших к селениям местах, едва приметные охотничьи тропинки.

Помимо богатства, представляемого урманом, как лесом, которого при самом хищническом и неразумном пользовании хватит на многие и многие десятки лет, его сокровища заключаются в дорогом пушном звере, птице, пух и перо которой также высоко ценится, и в красной рыбе, которой изобилуют глубокие воды Оби и других рек. В сургутской тайге водятся лисица, соболь, выдра, россомаха, бобр (последние годы, впрочем, редко встречается), песец, рысь, медведь, волк, бурундук, белка, горностаи, сохатый, дикий олень и пр.; из птиц здесь в изобилии найдете рябчиков, куропаток, различные породы тетеревов, лебедей, гусей, гаг, уток, журавлей и т. д.; из крупных и дорогих пород рыбы назовем осетра, нельму, щокура, сырца, стерлядь, тальмень и др. Все это в чудовищных размерах населяет тайгу, ее болота, озера и реки и служит приманкой для человека.

Как на особенности местной флоры и фауны, можно указать на почти полное отсутствие ягод — мы, по крайней мере, не встречали ничего, кроме брусники и морошки, да и то в ничтожном количестве, — грибов также мало; из птиц здесь нет таких обычных для более южных местностей птиц, как воробей, ласточка, галка; нет также и никаких певчих птиц, что придает урману особенно унылый и мрачный характер.

Дик и неприветлив Сургутский край. В нем все сурово, печально, угрюмо, хотя грандиозно и величественно: суров климат, угрюма и таинственна молчаливая тайга, неприветны и необозримы пространства вод. Холодом и унынием веет от этого далекого края, но этот холод не холод могилы —

повсюду заметны проявления жизни, дикая, могучая природа заключает в себе неисчерпаемые богатства, только как бы нарочно, для лучшего охранения своих сокровищ от жадности человека, она приняла суровые, неприступные формы. Чтобы победить природу и завладеть этими сокровищами, нужна железная энергия, выносливость и закаленность в борьбе с препятствиями и лишениями. Как мы уже сказали, сокровища края состоят в великолепных строевых лесах, дорогом звере и рыбе и при маломальски разумной эксплуатации изобилию природы, поистине, конца-краю не будет!

Такова в общих чертах природа описываемого края. Обратимся теперь к людям, его населяющим.

Несмотря на громадность территории Сургутского края (площадь его в три раза превышает площадь Германии и в пять раз площадь Италии), население его до крайности ничтожно — едва достигает до 6,5 тысяч, не считая города, или один человек приходится на 295 кв. верст. В племенном отношении население округа разделяется на две части: меньшинство, всего несколько сот душ, русские крестьяне, вся остальная масса — остяки; к русским причисляют обыкновенно и потомков от браков между русскими и остяками. Городское же население почти сплошь русское — едва ли найдется 5—10 семей метисов, по крайней мере, недавнего происхождения.

Как русские так и остяки, расселились в округе по течению Оби и ее притоков. Исключение составляют несколько остяцких юрт, разбросанных вдали от рек, в глубине страны, на озерах. Русские крестьяне живут селами и деревнями; первых в округе пять: Салиарское, Ломпаковское и Локасовское на Оби, Юганское на Югане и Ларьятское на Вахе; деревень всего три. Остяки обитают частью в тех же селам и деревням — это наиболее обрусевшие и усвоившие более или менее образ жизни русских крестьян, — но, главным образом, по юртам, которых насчитывают до 200.

Почти в центре населенной части округа, на правом возвышенном берегу Оби приютился город Сургут. По карте его местоположение между 61 и 62 градусами с. ш.

Непривлекательна наружность городка: на небольшой, очищенной от леса песчаной площадке разбросано несколько десятков деревянных домишек, большею частью старых, почерневших от времени; на самом берегу, почти над обрывом прилепилась бедная и ветхая, немного покачнувшаяся церковь. С трех сторон городок, как стеной, окружен высоким хвойным лесом, и лишь одна сторона свободна от него — внизу, далеко под горой катит свои мутные, холодные волны угрюмая красавица Обь, образуя несколько низменных островов; водная даль расстилается на десятки верст, и другой берег, поросший лесом, едва обозначается синеватой лентой. Вид Оби из города очень величествен, но угрюм и дик, как и все вокруг.

На свежего человека, еще незнакомого, с сибирскими захолустьями, Сургут производит впечатление убогой, всеми забытой, затерявшейся в лесу деревушки. Это впечатление затерянности еще усиливается отсутствием грунтовых дорог: для сургутянина и летом и зимою одна дорога — его широкая богатая река¹ по которой в летние месяцы он ездит в лодках, зимою на лошадях и оленях; весною же и осенью, с наступлением распутицы, всякое сообщение Сургута с внешним миром прекращается, и тогда-то особенно он принимает до крайности гнетущий вид чего-то жалкого, убогого, закинутого в лесную тущобу на край света.

Население города малочисленно: по официальным данным оно равняется 1200 душам обоого пола, в действительности и эта цифра преувеличена,

¹ Недавно, впрочем, по распоряжению местного начальства проложили грунтовую дорогу на Белый Яр — паромную пристань в 14 вер. от города. Но эта дорога для города не имеет никакого значения, и местные жители ею не пользуются.

так как некоторая часть обывателей «разбежалась», по местному выражению, в разные крэнцы обширной Сибири. Не особенно редки случаи, что сургутянин, раз выехавши за чем-нибудь в Тобольск, Томск или на прииски, уже никогда не возвращается домой, устраивая себе гнездо где-нибудь вдали от своей суровой родины. Другие являются только под старость умирать домой — это неудачники, отставшие от собственного дома и не смогшие по каким-либо причинам устроиться на чужбине.

Выше мы уже упоминали о племенном составе городского населения, громадное большинство которого состоит из русских, и только несколько семей принадлежат к чистым представителям других национальностей: семья евреев (ссылные), два-три поляка и несколько остяков и остячек. Но «русских» сургутян надо разделить на две части в свою очередь: на действительно русских, т. е. таких, которые сохранили внешность, язык и обычаи своих собратьев, населяющих Россию и Сибирь, и если в чем поотстали, то не особенно сильно, с одной стороны, и с другой — русских, представляющих смесь русского типа с остяцким и происшедших от смешанных браков с остяками, потомков обрусевших крестьян и окончательно обостячившихся русских крестьян. Благодаря общему складу жизни в Сургуте, носящему довольно заметный отпечаток инородческого влияния, такое различие в составе населения не бросается сразу в глаза, и подметить его можно лишь при более внимательном и близком знакомстве с сургутянами; первое же впечатление, притом довольно долго удерживающееся, получается более или менее однородное и, говоря откровенно, не совсем выгодное для сургутянина — впечатление помеси русского с остяком.

Низкий рост, приземистость и невзрачность всей фигуры, напоминающей скорее медведя, чем представителя кавказской расы — вот физические особенности, свойственные всему населению. Черты лица сургутянина неправильны и резки, развитые скулы, широкий, некрасивый рот, узкие глаза без выражения, или, пожалуй с выражением придурковатости — все это делает его вид не особенно привлекательным, не говоря уж о грязи, толстым слоем покрывающей голову, лицо и руки многих из них. Несмотря на кажущуюся кряжистость, сургутяне не отличаются силой, проворством и ловкостью, но зато крайне выносливы, «двужильны», по народному выражению. Кстати, скажем два слова и о наружности различных представителей населения округа. Крестьяне по внешнему виду значительно разнятся от городских мещан — казаков: они много здоровее, как-то шире в кости, видна большая сила, лицо и вся фигура дышат мощью и энергией. Тяжелая борьба, которую им приходится постоянно вести с окружающей природой, борьба, сопряженная с опасностями и лишениями, оставила заметный отпечаток на всей фигуре сургутского крестьянина, хотя неуклюжей, но мощной. Черты лица так же резки, как и у горожан, если еще не резче и некрасивее. Полнейшую противоположность крестьянину представляет остяк. Фигура этого несчастного дикаря с первого взгляда поражает своей крайней невзрачностью, и забитостью. Увидев в первый раз остяка, вы сразу чувствуете, что перед вами представитель вырождающегося, исчезающего племени. Остяк роста скорее низкого, чем среднего, в плечах довольно широк, но с впалой грудью; руки длинные и как-то безжизненно точно плети, висят вдоль туловища; лицо грязно-серого цвета, скуластое, с широким ртом, тонкими бледными губами; темные, мертвенно-тусклые и вечно гноящиеся глаза прорезаны довольно косо; нос широкий, приплюснутый; жесткие черные волосы, похожие на конские, густыми, никогда не чесаными космами спадают на лицо и плечи; растительности на лице никакой. По лицу женщины ничем не отличаются от мужчин, разве еще большим безобразием. К этому надо присовокупить еще невозможную грязь, присущую всем остякам. Живущие по р. Ваху остяки производят лучшее впечатление: они выше ростом, здоровее и не имеют такого пришибленного, пригнетенного вида.

В сословном отношении сургутяне также не представляют сплошной массы:

все коренное население делится на два общества — большое мещанское, в состав которого входят бывшие сургутские казаки, несколько человек местных торговцев и потомки уголовных ссыльных, и так называемое крестьянское общество, незначительное по численности, к которому принадлежат крестьяне, переехавшие из деревень, обрусевшие и не обрусевшие остяки и опять-таки уголовные ссыльные и их потомки.

Тогда как крестьяне и коренные мещане не сохранили никаких преданий о своем происхождении, мещане-казаки¹ ведут свою родословную непосредственно от казаков, пришедших в Сибирь и завоевавших ее вместе с Ермаком; им же они приписывают и основание своего города для более удобной борьбы с буйными и непокорными в то время остяцкими племенами, что, конечно, в общих чертах согласуется с историческими фактами. Некоторые же, в минуту откровенности и самобичевания, чаще всего после хорошей выпивки, прибавляют, что в числе их предков были не только добрые молодцы из вольницы Ермака, но и другие молодцы-бродяги, каторжники с рваными ноздрями и клеймами, пригонявшиеся сюда из других местностей Сибири. Насколько правы эти самообличители, судить не беремся.

Из других исторических фактов, кроме завоеваний Ермака, казаки-мещане сохранили воспоминание об остяцком князьке Бардаке, имя которого носит речушка, впадающая в Обь у самого Сургута, да о восстании остяков против русского владычества и тех жестокостях и казнях, которые следовали за подавлением мятежных дикарей. Но и эти воспоминания очень смутны и отрывочны. Мы говорим здесь вообще об исторических воспоминаниях, существующих у сургутян, у отдельных же лиц, преимущественно стариков, вероятно сохранились они в более, цельном и полном виде. Между прочим, многие сургутяне могут указать место, где была юрта князя², и другое, где совершались казни остяков. К воспоминаниям сравнительно недавнего времени следует отнести рассказы многих жителей о двух декабристах, бывших в Сургуте в ссылке, из которых один застрелился, да об одном поляке-повстанце 30-го года, погибшем в Ларьятской тундре, но проверить эти рассказы мы не имели возможности.

Прежде, чем закончить общую беглую характеристику Сургута и его округа, мы считаем не лишним для полноты картины остановиться несколько подробнее на некоторых сторонах этого оригинального города.

Человеку новому, впервые попавшему в Сургут, невольно бросается в глаза отсутствие таких правительственных учреждений и зданий, которые у всякого неразрывно связываются с представлением о русском городе, без которых последний кажется если не прямо невозможным, то во всяком случае курьезным и оригинальным. К таким учреждениям, отличающим город от деревни, несомненно, относятся городское управление, суд, казначейство и т. п.; сюда же приходится причислить, к сожалению, и острог. Между тем, в Сургуте ничего этого нет, полиция да почтовое отделение — вот, кажется, и все присутственные места города. Городскую думу заменяет мещанская управа; все же дела, не имеющие прямого отношения к полиции и мещанской управе, ведаются в подлежащих учреждениях Тобольска. Не решимся сказать, чтобы сургутяне чувствовали от этого большое неудобство; по крайней мере, относительно суда и острога они прямо заявляют, что в них нимало не нуждаются, ибо никаких преступлений у них не бывает (об этом см. ниже), и поэтому

¹ Сургутская казачья команда уничтожена, если не ошибаюсь, в 82 году. Большинство казаков приписалось к мещанскому обществу; ничтожное же меньшинство в 10—15 человек, большей частью юная молодежь, пожелала выселиться в другие казачьи войска.

² Там и теперь еще видны следы земляной насыпи в форме кольца, охватывающего пространство в несколько сажень.

судить у них некого, а если с кем и случится грех какой, попутает ничистая сила, то дело можно разобрать и в Тобольске, где есть и суды, и тюрьмы. Не ощущается также большой потребности и во введении городского положения, да и содержать думу и городское управление, как стоящие, сравнительно говоря, довольно дорого, решительно не на что; нам пришлось видеть местный официальный отчет за 80-й год, по которому все городские доходы исчислены в 400 рублей. Понятно, что тут не до городского положения.

Рассадниками просвещения служат две школы, мужская и женская. Последняя уже несколько лет стоит с заколоченными дверьми и окнами, ибо обыватели не находят нужным поддерживать ее своими средствами, основатель же ее некто Туполев, местный житель, содержал школу за свой счет лишь в первые годы ее существования. Немногим лучше и положение мужского училища: оно хотя и не считается закрытым, но случается, что по нескольким месяцам, даже по году, занятия в нем не производятся; в нашу бытность в Сургуте, например, — в 80—81 г. — дети посещали школу всего месяца два, остальное время на школьной двери висел замок, и такие перерывы — дело обычное. В 82 году здание школы было даже сдано под квартиру частным лицам. Ниже нам придется еще говорить о причинах, обусловивших такое падение дела образования в Сургуте.

Упомянем еще о больнице Приказа общественного призрения. Она устроена на двенадцать кроватей, имеется при ней и аптека, и врач с фельдшерами; но она не пользуется популярностью среди населения, и больных при ней почти никогда не бывает, так как горожане предпочитают лечиться у разных знахарей, остяцких шаманов и пр. Из округа же иногда лежат в ней остяки, преимущественно страдающие сифилисом, но и они попадают сюда не по собственному желанию, а только вследствие особых распоряжений местной власти, случайно натолкнувшейся на больного инородца.

В заключение скажем несколько слов об отношении к Сургуту местных жителей и населения соседних округов, Тобольского и Тарского.

Отношение сургутян к своей родине не одинаково. Те из них, которым удалось побывать в иных более привлекательных местах, например, в Тобольске или Тюмени (не говорим уже о Томске, который представляется сургутянам чем-то сказочным по своему богатству и великолепию), — смотрят на Сургут и все сургутское с нескрываемым презрением, пожалуй, даже с враждой; их уже не удовлетворяет все местное, кажется диким, смешным, они и на себя начинают смотреть, как на нечто высшее в умственном и нравственном отношении, чем их земляки, не бывшие дальше Березова. Им душно и тесно в Сургуте, их неудержимо тянет вон из него, туда, где, по их мнению, жизнь кипит. Часто они так и поступают — при первой возможности покидают свою родину, чтобы никогда уже не возвращаться обратно; но этот выход, конечно, не всякому доступен.

Совершенно иное отношение к своей родине наблюдается у тех обывателей, которым не приходилось бывать далеко. Мы не берем в расчет Березова, где редкий взрослый сургутянин не бывал, ибо это тот же Сургут. Эти, а они составляют девять десятых населения, страстно любят и свои непролазные болота и урман, и свой убогий городишко, для них Сургут если и не рай земной, то все же одно из самых привлекательных мест земного шара. Всякое критическое или просто шутливое замечание о достоинствах их города встречается ими с величайшей неприязнью и раздражением. Вообще этого сорта сургутяне, особенно женщины, крайние патриоты в самом узком смысле этого слова, заскоруждые и нетерпимые, с которыми тяжело, а подчас и невозможно вести какое-нибудь более или менее живое дело, по крайней мере, на нас они произвели такое впечатление.

Жители соседних округов относятся к сургутскому краю и его обитателям довольно определенно, но вместе с тем и резко отрицательно. Сургут, по их мнению, «гиблое место», ничего больше. Известная доля истины

в этом выражении, несомненно, есть, к сожалению. Впрочем, и они признают за Сургутом одно положительное качество: ловкому человеку нажить там легко. Обратимся к занятиям сургутских жителей.

II

ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Общие замечания о занятиях сургутян: развитие промыслов, отсутствие земледелия. — Связанные с промыслами формы пользования различными угодьями — лугами, лесами, рыболовными песками. — Скотоводство. — Ореховый промысел. — Ловля птицы. — Рыболовство. — Звероловство. — Заготовка дров на пароходы.

Характер занятий сургутского населения всецело определяется общим характером природы края и степенью культурного развития самих сургутян. Суровый климат и особенности почвы делают невозможным занятие земледелием¹.

Между тем, окружающие леса, болота и реки, как мы видели, богаты всяким зверьем, птицей, рыбой, и население, естественно, прежде всего обратило свои взоры именно в эту сторону и промысловые занятия стали главным родом деятельности, главной основой его существования.

Прежде, чем обратиться к подробному описанию главнейших народных промыслов, мы считаем нужным отметить формы пользования покосами, лесами и другими угодьями.

Урман, доставляющий местным жителям в неограниченных размерах строевой лес, дрова, пушнину, орех и проч., считается ничьим. Божьим. Однако, пользование безусловно свободно, но ограничивается рядом постановлений и правил, относящихся главным образом к кедровникам² и отдельным кедровым деревьям, попадающимся в урмане. Познакомимся с этими ограничениями, выработанными местным обычным правом.

Как строевой, так и более мелкий лес-жердняк, дозволяется всем рубить беспрепятственно, коренным жителям и пришлому человеку безразлично, в неограниченных размерах, но при этом ставится одно требование: зря не рубить кедр. Кедром можно пользоваться для каких-нибудь хозяйственных поделок — из него изготовляются оконные рамы, косяки, полы и др., но отнюдь не дозволяется рубить его на дрова, в кедровниках же не допускается порубка и на поделки, исключая сухопостоя, но особенно строго запрещается и преследуется порубка с целью обобрать шишки, что делается исключительно по лени, из нежелания долго возиться над «околачиванием» шишек, о чем будет ниже. Попавшийся в нарушении этого требования подвергается жестоким истязаниям. По словам местных жителей, бывали случаи, когда за подобные проделки виновных тут же, на месте преступления, вешали на первой попавшейся лесине, раздетым донага привязывали к деревьям и оставляли в таком положении на съедение комарам и муравьям и т. п. Особенной суровостью и жестокостью в этом отношении отличаются остяки. Вследствие ли боязни навлечь на себя жестокое мщение со стороны своих родичей, или в силу глубокого сознания греховности такого поступка,

¹ Лет 12—15 назад в с. Юганском производились опыты хлебопашества ранее также же попытки делались вблизи города, но все безуспешно.

² Кедровниками, иначе кедровыми островами называются такие участки леса где преобладающей исключительной породой является кедр.

сознания, которым проникнуты очень многие, но этого рода нарушения обычного права встречаются крайне редко. Во всех других отношениях пользование кедровниками свободно.

Столь строгая регламентация в пользовании кедром и столь суровые взыскания, налагаемые на ослушников, станут вполне понятными, если мы скажем, что кедровый промысел, т. е. сбор кедрового ореха, является одним из главных источников, доставляющих средства существования как русским, так и осякам, и что всякое уменьшение доходности этого промысла тяжело отзывается на кармане сургутского жителя.

Таков порядок пользования лесом для порубки и сбора орехов у горожан и русских крестьян. У остяков же мы наблюдаем несколько иную форму владения лесами, именно общинно-родовую. Все леса, которыми пользуются остяки, поделены между отдельными родами, а родовые участки в свою очередь разделены между семьями остяков. Межевыми знаками служат реки, камни, ручьи, озера, болота, ямы и проч., граней же, борозд или меж нет. Каждой вновь возникшей самостоятельной семье родовой сход выделяет участок из общей собственности, причем иногда происходят уравнильные переделы участков. В пределах своего участка каждая остяцкая семья пользуется лесом для порубок и орехом, в них же занимается звероловством и ловлей птицы. Переходить для промысла на чужой участок запрещено. Белка, заяц, горностаи и всякий другой зверь, кроме крупных хищных, убитый на чужом участке, по обычному праву остяков, принадлежит не охотнику, а владельцу участка; зверь, убитый на границе двух участков, делится пополам между охотником и владельцем соседнего участка — или делят шкуру пополам, или один берет шкуру, а другой мясо. Медведей, волков предоставляется бить беспрепятственно, на чьем бы участке они ни попались. Благодаря обилию леса и проистекающей отсюда величине наделных участков, между семьями не бывает столкновений из-за обладания тем или иным куском леса. Участки носят обыкновенно названия: «остров таких-то остяков», «урочище таких-то» и т. п. Кедровники остяки часто сдают в аренду сургутским и тобольским торговцам за ничтожную плату.

Таково в общих чертах правовое отношение населения к кедровникам. На практике же, обыкновенно, каждая артель русских промышленников из года в год посещает один и тот же остров, оставляя его изредка для другого исключительно вследствие плохого урожая орехов в данном месте. Чрезвычайное обилие кедровых лесов и незначительность населения, пользующегося ими, заставляют сургутян снисходительно относиться к отступлениям от правил.

Ниже нам придется подробно говорить о звероловстве и ловле птицы и о значении этих промыслов для населения, поэтому теперь мы остановимся на них лишь настолько, насколько они оказывают влияние на формы пользования у русского населения теми участками леса, в которых производятся.

Каждый сургутянин-зверолов, деревенский или горожанин безразлично, имеет в лесу свои «слопцы» — обычные ловушки для зайцев и тетеревов, переходящие по наследству на начале полной личной собственности от отца к сыну, а вместе с слопцами переходит к сыну и право исключительного пользования тою частью леса, где они расположены. На первый взгляд может показаться, что тут мы встречаемся с принципом личного пользования лесом, но это далеко не так, по крайней мере, основа этого явления совершенно иная, нежели в принципе личной собственности на землю.

[Окончание в следующем номере].

ПРОСВЕЩЕНИЕ ЮГРЫ

(1920—1930 гг.)

К началу 20-х годов Тюменская губерния по уровню грамотности занимала 48 место из 51 губернии РСФСР, коренное население Обского Севера было почти поголовно неграмотно.¹ В июле 1920 года при Наркомпросе была образована Всероссийская Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности, в Тюмени — Губчека по ликбезу. Губернский отдел народного образования направил на Север первую экспедицию для оказания помощи по налаживанию всеобща и ликбеза².

В тяжелых условиях начался поход за ликвидацию неграмотности на Севере. Почти не было учителей, отсутствовали письменные принадлежности и учебники, керосин и свечи. Люди сами оборудовали помещения, готовили самодельные чернила, светильники из рыбьего жира, раздобывали для тетрадей купеческие ведомости, чтобы писать на обратной стороне листа, а иногда приходилось выводить первые буквы острой палочкой на коре березы.

Осенью 1921 года открылась школа ликбеза в Цингалах, зимой 1921—1922 годов несколько школ ликбеза организовано в Самарово и окрестных деревнях, а также в Сургутском и Березовском уездах, где было особенно много неграмотных.³

В 1923 году началась более широкая организация курсов ликбеза при школах, народных домах, избах-читальнях, с особой охотой обучались жители национального села Саранпауль.⁴

Но один ликбез не мог решить проблемы повышения грамотности северян. Необходимо было развивать школьную сеть. Плановый отпуск средств на эти цели начался в 1923—1924 гг. Организация новых школ, особенно национальных, была связана с большими трудностями. Не было учителей, знающих языки народов Севера — в 1924 году на всем Обском Севере таких насчитывалось только двое.⁵ Дети ханты, манси и ненцев с малых лет работали вместе с родителями в оленеводстве, на рыбном и охотничьем промысле, сборе дикорастущих и т. д., вно-

ся существенный вклад в семейный бюджет. Да и в силу своей специфики коренное население вообще не видело смысла в учебе.

Г. Н. Тарасенко в книге «На просторах Обь-Иртышья» (Свердловск, 1964, стр. 378) приводит по-своему пророческое высказывание хантов Собских юрт по поводу открытия школы: «Мы знаем хорошо, что нас остается все меньше и меньше. Вам, русским, суждено жить, нам — вымирать. Вам грамота полезна, а нам вредна... Оставьте нас в покое, не трогайте нас. Если вы откроете здесь школу, то мы тотчас же оставим это место и переселимся в другое».

Первую стационарную национальную школу-трехлетку в хантыйском селении Мулигорт Березовского района открыл в 1924 году учитель Николаев. Он сам сделал парты и скамьи, днем обучал детей, а вечером взрослых. Писать приходилось углем на доске. К лету все взрослые жители уже читали русский букварь. Жители окрестных селений посылали к Николаеву детей за 30—40 километров. «Учительская газета» (26 октября 1928 г.) писала, что Мулигортская школа «прочно пустила корни в народную остяцкую гущу и обеспечила свое существование и дальнейший рост остяцкой культуры».

В 1925 году в селении Щекурья организовал первую мансийскую школу молодой учитель А. В. Голошубин. Он хорошо знал язык, пользовался авторитетом среди коренного населения.⁶

К концу 1927 года на Обском Севере было открыто 19 хантыйских школ с числом учащихся до 200 человек, на следующий год в национальных школах училось уже 311 детей.⁷ В 1928 году в деревне Сартынья Березовского района создал мансийскую школу-интернат молодой учитель Аркадий Николаевич Лоскутов, прибывший по направлению Комитета Севера. Наряду со стационарными школами создавались школы-передвижки и кочевые школы. Например, Тундринская школа-

передвижка, выпустив 43 учащихся, переехала в Локосово.

В 1929—1930 учебном году работало 22 хантыйских и семь мансийских школ первой ступени, в которых занимались 280 ханты и 180 манси. Были организованы национальные интернаты в Березово, Угуге, Карыме. Однако процент охвата детей был невысок: русских — 49,4, манси — 40,2, коми — 54, ханты — 10,2.⁸

Одновременно происходило приобщение молодежи Севера к высотам специальных и научных знаний. В октябре 1926 года в Ленинграде открылся первый в мире рабочий факультет (рабфак) северных народностей. Среди первых рабфаковцев ханты Варвара Чешева и манси Константин Пакин. Всего при первом наборе училось четыре ханты, два манси и два ненца, а в следующем учебном году их стало 14.⁹

В 1925—1926 годах 14 молодых северян из коренных народностей Обского Севера направили учиться в Ленинградский институт живых восточных языков, Воронежский и Томский университеты, Омский ветеринарный институт, Тобольский педагогический и ветеринарный техникумы и другие учебные заведения страны.¹⁰

19 июня 1927 года газета «Правда» сообщила, что коллегия Наркомпроса решила организовать в 1927—1928 учебном году туземное подготовительное отделение для народов Севера при Тобольском педагогическом техникуме на 80 человек. В числе первых учащихся было пять ненцев, пять манси, 15 коми. Через год здесь училось уже 30 ханты, пять манси, 16 коми. Выпускником техникума был ханты М. Я. Савин, оставивший заметный след в развитии экономики и культуры округа.

8 ноября 1927 года открылся первый в мире Северный факультет Института живых восточных языков. Одним из первых его слушателей стал ханты из Березовского района В. Алачев. В декабре 1929 года Северный факультет был преобразован в первый в мире Институт народов Севера. Первый набор состоял из 300 слушателей 50 народностей, в т. ч. ханты, манси и ненцев.¹¹ На основном четырехгодичном отделении (техникум) готовились специалисты советско-партийного, колхозно-кооперативного, индустриального, промышленного и культурного строительства. Кроме того, в институте был Северо-Азиатский

семинар (вуз) с социально-экономическим и литературно-лингвистическим факультетами.¹²

Появились первые учебные пособия на родных языках северян. В 1926 году вышел первый хантыйский букварь Афанасьева, размноженный с помощью копировальной бумаги. В июне 1927 года Академия Наук СССР приступила к составлению первого вогульского (мансийского) словаря. В Тобольске начала работу специальная лингвистическая группа. В 1930 году был издан первый печатный хантыйский букварь П. Е. Хатанзеева.

Таким образом, к моменту образования национальных округов на Обском Севере была создана достаточная база для широкого развития народного образования.

Н. ПАТРИКЕЕВ,
историк-краевед.

* * *

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ:

1. М. Е. Бударин. ~~Прошлое и настоящее~~ народов Северо-Западной Сибири. Омск, 1952, стр. 155.
2. П. И. Рощевский. Из истории советского культурного строительства в Тюменской губернии (1919—1920 гг.) Ежегодник Тюменского музея. Вып. 3, 1961—1962, стр. 32, 39.
3. Бывший партийный архив Тюменской области, (ПАТО), ф. 18, оп. 1, д. 4, л. 108; д. 19, л. 67; д. 12, л. 57.
4. Государственный архив Ханты-Мансийского округа. ф. 80, оп. 1, д. 1, № 19.
5. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА), ф. 3977, оп. 1, д. 56, л. 47.
6. Бывший партийный архив Свердловской области (ПАСО), ф. 61, оп. 1, д. 144, л. 113.
7. ЦГИА, ф. 3977, оп. 1, д. 485, л. 11.
8. ПАТО, ф. 38, оп. 1, д. 32, л. 77.
9. ЦГИА, ф. 3977, оп. 1, д. 618 лл. 13.25; д. 553, л. 26.
10. Наш край. Свердловск, 1973, стр. 152.
11. ЦГИА, ф. 3977, оп. 1, д. 618, лл. 3, 4 7—8.
12. Бывший Центральный партийный архив, ф. 475, оп. 2, д. 708, л. 8.



У РОДНОГО ЧУГАСА

ПАНТЕЛИМОН

— Николай, ты когда мне бродни сошьешь? Скоро сентябрь, на бора пойдем, а я в чем пойду?

— Сошью. Вы вот с мамой сухари сушите. Через неделю-две мы с тятьей в Ярку завоз будем делать, да еще там надо в порядок привести кое-что, подладить.

— Пойду к Настеньке, соседке! Она мне к Пантелимону кофту шьет.

— Настенька, ты дома? Я к тебе! Наверно, уже готова?

— Ты что?! Нет свободного времени. Только что с тятенькой приехали с покоса. На вот! Я только сметала, меряй!

— Вот здесь, я думаю, вытачки сделать надо.

— Девка, да ты что?! С тобой что-то неладно? Какие вытачки? Ты посмотри-ка на себя! Ты ведь полнеешь! У тебя скоро пузо на нос ползет!

— Скажешь тоже! До этого еще далеко!

Престольный праздник Пантелимон всегда проводился в Цингалах. Сюда съезжались на праздник гости из близлежащих деревень Заводных, Батово, Саргачей, Сотников, Семейки с низовья Иртыша, а сверху — из Денщиков, Лугофилинска, Горнофилинска, Чембакчино. Плыли на лодках-неводничках, долбленках-переметках, где на веслах, где бечевой.

Всегда ждали его, готовились заранее. Бабы себе обновки делали, швеям-самоучкам было дела в это время. Хозяйки накануне стряпали, варили, жарили — кругом все шипело, бурлило, дымило. Каждая хотела показать свое мастерство. Ходили в лес собирать ягоду — смородину, малину, черемуху. Настаивали брагу, гнали самогон. Мужики ловили рыбу на реке: стерлядь, нельму на пироги.

— Девки, слышите? Гармошка! Кто же это играет?

— Да кто? Яшка Курбатов! Разве не слышишь? Двухрядка!

Яшка был виртуоз. Как заиграет — ноги сами в пляс пойдут, а язык частушку подхватит.

— Девки, пошли на берег!

Девки всей гурьбой пошли навстречу парням.

— А! Девахи-раздевахи! Красоточки черноглазые! К нам в компанию!

Девки, подстроившись к компании ребят, одна за другой запели частушки под гармошку:

Гармонь нова, гармонь нова,

Гармонист шатается.

Неужели гармонисту девушки

Не нравятся!

Каскин Иван Николаевич, учитель-пенсионер, краевед, с 1950 года собирает материал по истории иртышского села Цингалы, на основе которого написал документальную повесть «У родного Чугаса», публикуемую в журнале в сокращенном варианте. Уверены, что читатель найдет в ней много интересных новых подробностей деревенского быта, прикоснется к волшебному миру детства, окупится в стихию народной сибирской речи.



Гармониста я любила,
Гармониста тешила!
Гармонисту на плечо
Сама гармонь я вешала!

Мил, измены, мил, измены,
Я измены не боюсь!
Ты пока измену делаешь,
Я с другим позадаюсь!
У поленницы, у дров
Говорили про любовь!
Как поленница упала,
И любовь наша пропала!

Ты залеточка, залеточка,
Вертучие глаза!
На тебя, моя залеточка,
Надеяться нельзя!
Ты, сорока-белобока,
Научи меня летать!
Невысоко-недалеко —
Чтобы милого видать!

Девки с ребятами пошли по набережной улице до танцевальной площадки напротив дома Батурина. Танцевальная площадка — деревянный настил, с трех сторон которого в два ряда сиденья. Тут же около площадки были спортивные снаряды — качели, турник, шест для лазанья, канат, трапеция, кольца, исполин, кружалка-карусель. Все было занято! Стар и мал занимался своим делом.

— Яша, сыграй нам краковяк!

— Манька, пойдём станцуем?

И пошло дело! Пара за парой закружились в танце.

— Яша, тустеп!

— Яша, подыспань!

— Хватит! Яша, кадрили!

Этот русский старинный танец требовал хорошего знатока очередности его этапов, захватывал всеобщее внимание присутствующих.

— Васька! Пойдем, там в третий лишний играют!

Народу было много. Каждый развлекался по-своему: одни играли в лапту, другие — «выжигали» из круга («Поймай меня, плетень, золотые ворота!»). Гармониста Яшку сменил Федька Салтанов. Запела его голосистая 18-клавишная тальянка на всю деревню.

— Федор, давай плясовую!

— Катерина, твой выход! А то засиделась!

— Я-то? Сейчас! Цыганочку!

— Вот Катька дает! Чистая цыганка!

— Она и так от цыганки.

— Ты что, паразит, к моей лезешь?!

— А кто возле моей крутится?

— Кто тебе сказал? Откуда ты это взял?

— Сам вижу!

— Тебе что? Зубы выбить? Выпил и отваливай!

— Мне! Мне! Зубы выбить?! Я тебе выбью! На! На! Получай! Зубы захотел выбить!



— Да вы что? Ребята! С ума сошли! Чего не поделили?!

— Васька, Николай, перестаньте! Опомнитесь!

— Пана, уведи своего домой! Проспится, протрезвится — к ночи пригодится.

А тут же рядом, в нескольких шагах, ребяташки организовали борьбу — с носка и в охапку. Около них образовался круг. Мужики начали подзадоривать.

— Алешка, Алешка! Подбивай ногу и вали! Смелее! Смелее!

— Санька, Санька! Не поддавайся! Он хоть и пузан, а пустой!

— Это что? Верхнеконский борется с нижнеконским!

— Верхнеконский возьмет! Видишь! Видишь! Какая у него хватка! Он одной пузой вашего свалит.

Надежды оправдались. Все же Алешка свалил Саньку.

— Ну, что? Я говорил? Так оно и есть! Наша взяла! А вы говорите — пустой. Нет, у него сила и хватка есть! Мужики, что вы стоите? Абышев, заменяй Алешку!

— Я? Могу заменить! Я готов! Кто смелый? Начнем в охапку! У кого есть ремень или опояска?

— Вот ремень! Возьми! Выдержит, крепкий!

— Семейка выходит! Вениамин, не поддавайся!

— У Абышева кишка тонка!

— Это мы еще посмотрим, у кого кишка тонка!

— Шире круг, шире, ребята!

— Ну, Вениамин, держись!

— А ты меня не пугай! Вот сейчас возьму и будешь на земле!

— Бери, бери! А я вот так!

У Вениамина только ноги сбрыкали. Абышев придавил его к земле!

— Вот и нет ваших! Вот тебе и кишка тонка! Следующий! — разгорячился Абышев.

— Чембакчина выходит! Арсений, покажи свою силу!

— Вошку я сразу к ногтю! Справлюсь!

Походили-походили. Покружились-покружились. Абышев чуть приподнял на руках Арсения, да как тряпнет его о землю. Арсений поелозил-поелозил и сдался.

— У вас что кроме Абышева никого больше нет?!

— Как нет? Найдем! Сейчас вот Ефимка Чабаев выйдет! Ефим, замени Абышева! Не подведи! Надеемся на тебя!

— С носка сборюсь, в охапку не буду.

— Слушка! Слушка! Покажи свою силу! Кто из вас смелый? Или никого нет? О! Молодец, Автоша! Ну, Ефимша, держись!

Борцы одели ремни через плечо.

— Автоша! Возвеличь заячье племя! Докажи, что мы по кустам не прячемся! Мы мол, тоже с усами!

— Автоша слабак! Куда ему против Ефима! Не вытерпит!

— Кто его знает? Как на человека смотреть? На иного смотреть не на что, а когда надо — откуда сила берется, внутреннюю что ли имеет.

Борцы сначала подергали за ремни друг друга, проверили, кто чего стоит. Борьба входила в азарт. Автоша не уступал Ефиму. Все следили за поединком. Долго ходили, кружились. Ефим, уловив удобный момент, вертанул через ногу Автошу и смял его.



- Следующие! Желающие есть? Кто на Ефима?
- Филинские выступают!
- А, чернопятые? Просим!
- Курбатов! Курбатов! Харитон, выходи!
- Вот это сила на силу! Интересно, кто кого?
- Харитон поувертистее, смекалки больше.
- Смекалка смекалкой, да и сила, брат, нужна.
- Ты смотри, Ефим силой берет. Харитона силой не возьмешь, только свою истратишь. Тут надо брать хитростью! Нет у Ефима нужных приемов.
- Ефим, Ефим, подцепляй носком ногу и вали!
- Эх! Сам на себя навалил! Тяжелый, не сумел вывернуться. Бывает!
- Давай еще раз!
- Что ты? С меня хватит!
- Давай еще раз! Боишься?
- Ефим, ты что?! Ты меня за грудки не бери! Хватит! За что?! Вот дурак!
- Ребята, филинских бьют!
- Цынгалинцы, Ефимку выручать!
- Кого бьют! Кто его знает!
- Да ты смотри! И наши там! Пошли на помощь!

Получилась куча. Кто кого бьет — не поймешь. И сколько бы продолжалась эта драка? Кто-то из соседей прибежал с ружьем, пальнул в воздух:

— Разойдись! Стрелять буду!

Еще выстрел в воздух. Мало-помалу свалка стала утихать. Мужики и парни начали один по одному расходиться по домам. У одного синяк под глазом, у другого кровь течет изо рта и носа, у третьего шишка на голове. Остались на поляне только ребяташки, да кто в драке не участвовал. Девки и парни танцевали на площадке, пели песни да частушки под гармошку до самой темноты.

— Мама, Николай спит?

— Спит. Кое-как уснула. Тихо! Не разбуди, а то беда будет.

Рано утром Мартын Васильевич был уже на ногах. Поднял Николая, отправил его на луг напоить Савраску. Пасса он на длинном аркане, привязанный за кол. Осиповна ушла коров доить. Подоив, разбудила Оську — гнать коров на поскотину. Маньку заставила картошку чистить.

Проснулся Петр Петрович Курбатов с женой (гости из Филинска ночевали в новом пристрое). Осмотрелся одним правым глазом, другого не было, спросил, где умывальник.

— Как ночь ночевали на новом месте?

— Хорошо! Как заснул с вечера, так и не шевелился. Только моя что-то все с боку на бок вертелась.

— Как не будет вертеться, если ты не догадливый!

— Нет, дедо Мартын! Мы уже об этом не думаем!

— Не думаешь! А дети откуда берутся — что ни год, то ребенок?

Явились гости из Заводных — Чалкин Никон с женой. Из Семейки — Исаков Иван Алексеевич, тоже с женой Настасьей — дочерью Мартына Васильевича и Татьяны Осиповны. Пришел сын Николай. Осиповна со сношкой суетились на кухне, ставили на стол угощенья.

— Гости мои дорогие! Проходите за стол, рассаживайтесь!

Гости расселись по лавкам. Хозяин разлил самогон по рюмкам, пригласил выпить.



— Гости дорогие! Выпьем за встречу, за дружбу, за наше здоровье!

Все выпили, покрякали, поморщились.

— Хорош первач! Аж душу захватывает! Идет да жжет!

— Это Осиповна такой делает. Насчет этого она мастерица.

Поели, перебрасываясь отдельными словами. Выпили по второй — за здоровье гостей.

— Какие слухи идут, мужики, о войне?

— Дела наши на фронте идут неважно — то немец наших побьет, отгонит, то наши его.

— Опять, говорят, в рекруты брать будут! Скоро до стариков доберутся.

— Что война! Известное дело — солдат в окопах гниет, вшей кормит.

— Офицерье вина распивает да баб щупает. Попы на тот свет солдат благословляют.

— Чем воевать? На фронт везут одни иконы. Говорят, одна винтовка на двоих, на троих. Ждут своей очереди — или винтовку или пулю в лоб, или штык в бок.

— Намедни у нас Илья Савин без ноги на костылях пришел, в госпиталях валялся. Рад, говорит, что живой остался, из пекла вылез. А Мишка Чугин кривым явился. Домой пришел, а жена скурвилась — за другого убежала.

Кто-то из баб затянул песню:

По Дону гуляет, по Дону гуляет!

По Дону гуляет казак молодой!

Только закончилась песня, появилась новая.

Сижу за решеткой в темнице сырой,

Вскормленный в неволе орел молодой,

Мой грустный товарищ, махая крылом,

Кровавую пищу клюет под окном...

— Да, брат, война затягивается. Наверное, ей конца и края не будет.

У нас в деревне пошли слухи, как будто Иван Пельымский попал в плен к немчуре. Спрашивал соседку — говорит: от него нет никакой весточки, как угнали. Евсеев Никанор тоже как в воду канул.

— Ничего особенного. Война есть война. Измельет в труху она человека, как мельница, — поддержал Иван Алексеевич.

...Как в степи глухой замерзал ямщик!

Он товарищу отдавал наказ:

Ты, товарищ мой, не попомни зла...

Передай жене кольцо обручальное!

— Бабы, а бабы? Хватит вам голосить! Неужели до нас доберутся?! Неужели наши головушки будут валяться на поле?

А бабы знали свое дело. Не обращали внимания.

...Бежал бродяга с Сахалина

Звериной узкою тропой.

...То не ветер ветку клонит,

Не дубравушка шумит...

Так пели и пили. Стало уже темно, подошел незаметно вечер. Петр Петрович уснул за столом, жена свалилась на хозяйскую кровать. Иван Алексеевич и Чалкин Никон с женами стали собираться домой. Дед Мартын пошел их провожать. Были слышны отдаленные звуки гармошки да пение частушек и песен.



ПОДГОТОВКА К БОРАМ

Вот и закончился Пантелимон. Пошли дни за днями в житейских хлопотах. Кое-как управились с сенокосом, дед Мартын с Николаем уехали на переметках в речку Ярку ремонтировать избушку да заодно увезли запасы питания. В сентябре поспевают брусника. Сбор ее был одним из главных промыслов местного населения. Готовились к нему заранее. Каждая семья отдельно или в складчину строили и ремонтировали избушки в одном из боров по Ярке. Так образовалась Большая деревня, а бор назвали Избушечным. Попасть туда можно было на лодках в большую воду, это случалось не каждый год, или пешком тащить на себе в кузовьях продукты питания. Сбор ягод проходил до выпадения снега.

Мастера из бересты делали кузовья, набирушки, туеса, обувщики из самодельной кожи шили бродни с длинными голенищами, легкие чарки с опушками для женщин. Чтобы обувь не промокла, ее пропитывали озерным илом, смазывали смолой и дегтем. Без такой обуви не попасть на бора. Смолу и деготь тоже гнали сами, для этого делали специальные перегоночные ямы в земле на гриве, где сейчас кузница. Гнали из хвойного и березового корья. Смолой смазывали сани, телеги, лодки.

Дорога на бора дальняя, с ручьями, с болотами, а в одном месте речку Ярку нужно переходить вброд выше колена. Ребятишек перетаскивали на себе. Срок выхода на бора заранее определялся на сходке. Отправлялись все в один день целыми группами. В одиночку не шли — боялись медведя. Дома оставались только немощные старики, старухи да малые дети.

НАСЛЕДНИК

Пришел день выхода на бора. Утром дед Мартын с Николаем выехали на переметках в Ярку. Николай договорился с женой встретиться у Дальнего сора, а оттуда он ее повезет на переметке. Пана с подружкой Настей Исаковой и другими соседками сговорились идти вместе. В эту группу входила Манька — дочь Николая от первой жены, и ее сродный брат Оська, племянник Николая. Ягодники собирались у Мартыновских.

— Ну, вы скоро соберетесь? Мы уже готовы!

Осиповна хлопотала по сбору своих и не один уже раз говорила сношке:

— Пана, не ходи. Ты посмотри на себя — куда ты идешь? Вдруг что случится? Не близкое место. Ты ведь не одна.

— Мама, я чувствую себя нормально, успею еще ягод набрать.

— Ну, бог с тобой! Меня потом не вини.

Молодежь надела на себя кузовья, взяла набирушки, пошли. Осиповна перекрестила их вслед. Шли бойко. Дорогой перебрасывались деревенскими новостями. Парни и девки шли легко, на ходу играли, толкали друг друга. Подходили уже к Дальнему сору. Пана вдруг ойкнула:



— Настенька, у меня в животе колет.

— Ты что, девка? Вот не ко времени!

— Николай должен подъехать, мы договорились.

И правда, вдали показались лодки. Девки замахали платками — лодки пристали к берегу.

— Что случилось?

— Беда, Николай, у Паны родовые схватки!

Дед Мартын выругался:

— Мать твою перемать! Все не как у людей! Тебя кто тащил сюда?! Николай, перекладывай свои вещи в мою лодку и гони домой!

Николай посадил жену в лодку и погнал обратно. Девки закричали:

— Счастливого пути!

Ягодники пошли дальше своей дорогой. Дед Мартын поехал с грузом в Ярку.

— Ой! Ох! Тошнехонько!

— Терпи, Пана! Терпи! — Николай гнал лодку, что было силы.

— Ой! Ой! Николай, нет больше терпенья!

— Терпи! Терпи! Скоро будем дома! Вот уже запор! Терпи!

Лодка не плыла, а летела, как на крыльях, хорошо, что помогало еще течение. Наконец, Николай пристал к берегу. Вывел жену из лодки, повел домой.

— Скорее, Пана, скорее!

— Не могу, Николай! Я присяду, идти не могу.

— Домой, домой пойдём! Дом-то ведь рядом!

Поднялись кое-как по ступенькам на высокое крыльцо, прошли по сеням. Стали перешагивать порог — начались роды.

— Николай, беги скорее за бабкой Василисой! Не стой! Беги!

Николай убежал к соседской бабке-повитухе. Услугами ее пользовалась вся деревня. Пришла Василиса.

— Что у вас случилось? Я так и думала! Давно присматриваюсь к Парасковье. Как ты, старая, отпустила ее на бора?

— Что с молодыми сделаешь? Что хотят, то и делают! Они нас не слушают.

Около матери лежал и кричал во все горло новорожденный.

— Я все сделала. Родился сын в рубашке. Николай сына хотел, рад будет, — сказала Осиповна.

Пришел Николай.

— С сыном тебя, Николай! Магарыч с тебя!

— Будет, будет, баба Василиса!

— Теперь, иди во двор, нам не мешай, у нас тут бабьи дела.

Баба Василиса подняла Пану, повела ее в баню. Осиповна завернула младенца в пеленки, пошла следом. Пришли бабы из бани. Родилку с сыном уложили в постель. Зашел в избу Николай. Осиповна поставила на стол еду, принесла бутылку самогона. Выпили за здоровье роженицы и малыша. Поздравили Николая с сыном.

— Вот что, Николай, назови сына Иваном! Скоро будет осенний Иван. Имя подходящее, — посоветовала Василиса.

На этом и порешили. Через неделю Николай уехал в Ярку.

(Продолжение в следующем номере).

* * *

ЗДЕСЬ идет правильный почтовый тракт, и весьма исправный, но дорога не торная, по причине малой езды. Проедет почта или кто-нибудь из служащих, и опять замолкнет надолго путь, а дорогу заметет первым ветром. Приходится проезжему вновь пролагать ее по смежным буграм: от этого здесь дорога постоянно тяжела для лошадей. Едут и рекой, где можно, лугами, островами и берегом. На одной станции случается ехать по берегу, потом спуститься на проток Лены, потом переехать остров, выехать на самую Лену, а от нее опять на берег, в лес. Иногда же, напротив, едешь по Лене от станции до станции, любишь то горами, то тбросом, то есть буграми льда, где Лена встала неровно; иногда видишь, в одном месте стоит пар над рекой. «Что такое?» — спросишь. «Наледа», — говорят, то есть проступающая сквозь лед вода или вытекающие на ленский лед горные ключи, вероятно минеральные, которые иногда вовсе не замерзают, может быть от присутствия в них газов. К весне, в феврале и марте, дорога по Лене, говорят, очень хороша, укатана.

Какие развлечения на таком длинном переезде? Приедешь на станцию: «Скорей, скорей дай к у с о ч е к вина и к р у ж о к щей». Все это заморожено и везется в твердом виде, пельмени тоже, рябчики, которых здесь множество, и другая дичь. Надо иметь замороженный черный и белый хлеб. На станциях есть молоко, кое-где яйца, местами овощи, но на это нельзя рассчитывать. Жители, по малому числу проезжих, держат все это только для себя или отправляют, если близко, на прииски, которые много поддерживают здешние места, доставляя работу. Туда стекается народ: предметов потребления надобится все больше и больше, обозы идут чаще из Иркутска на прииски и обратно, и формируется центр сильного народонаселения и деятельности. Та же история, что в Калифорнии, в Австралии. Это напоминает басню о кладе, завещанном стариком своим детям. Дело — не в золоте.

Первые дни мороз был уж очень силен. Высунешь на минуту руку поправить что-нибудь — и пальцы озябнут до костей; дотронешься даже до дерева, и то жжется, как железо. На одной станции я спросил, сколько считают они градусов такого мороза. «Градусов пятьдесят, батюшка», — сказала мне старуха. Человек мой усмехнулся. «Градусов пятьдесят не бывает», — сказал он. «И! Родимый! У нас и семьдесят бывает», — отвечала она. «Когда же кончаются эти морозы?» — «А в апреле, кормилец; в мае все тает, а уж в июне, в половине, и высохнет все». — «Как вы это живете тут?» — спросил я. «Да мы уж о б н а т у р е н н ы е», — сказала она. «А лето у вас хорошо?» — спросил я. «Годявое, да только коротко: сеем ярицу, да озябает, не каждый год родится, а когда родится, так хорошо».

В другом месте станционный смотритель позабавил меня уж другим языком. Он предложил обедать у него. «А что у вас есть?» — «Налимы имеются». — «А мясо есть?» — «Имеется баранина». — «Да скоро ли все это поспеет?» — «Быстро соорудим».

Откуда этот язык, да и о б н а т у р е н н ы е — кто завез сюда?

Хороши камельки, или чувалы, на станциях и вообще в юртах. Как войдешь с морозу, охватит вас и в минуту согреет тепло, которое так и пышет от целого костра стоймя горящих поленьев лиственницы. Она лучше даже березы на дрова: славно горит и долго держит жар. Толпа крестьян, женщин, мальчишек в минуту похватает у вас кто шарф, кто шапку, рукавицы и тотчас высушат, держа у камина. Тот вам подвигает скамью, другой — стул. На станциях большею частью опрятно, сухо и просторно; столы, лавки и кровати — все выстругано из чистого белого дерева. Ветхие избы предположено весной перестроить по новому, лучшему образцу. Тесниться в духоте уже не позволено. Со мной в одно время ехал посланный из Якутска офицер, для осмотра старых строений.

Пустыня имеет ту выгоду, что здесь нет воровства. Кибитка стоит на улице, около нее толпа ямщиков, и ничего не пропадает. По дороге тоже все тихо. Нет даже волков или редко водятся где-то в одном месте. Медведи зимой все почивают.

Мне, по случаю трудной дороги, подпрягают пять и шесть лошадей, хотя повозка у меня довольно легка, но у нее есть подрези, а здесь ездят без них: они много прибавляют тяжести по рыхлому снегу. Еще верст двести, триста, и потом уже будут запрягать лошадей гусем, по семи, восьми и даже десяти лошадей, смотря по экипажу. Там глубоки снега и дорога узенькая, так что тройка не уместится в ряд.

(«Фрегат «Паллада»).

Владимир Плесовских

* * *

Ты идешь под крутым дождем,
Он звенит, как счастливая песня.
Человек для счастья рожден,
Будто птица для поднебесья.
Где-то там на твоём пути,
За крутой пеленой ненастья
Ждет тебя — постарайся найти —
То, что в песнях зовется счастьем.
С детских лет той минуты ждем,
Нет желанней ее и чудесней...
Человек для любви рожден,
Будто птица для поднебесья.

Счастье

Верю с детства,
Есть счастье предельно простое:
С головой окунуться в кипящую пену берез,
Мяту — мять
И хмелеть с травяного настоя
Самогонных,
Рубиново-праздничных рос.
Видеть солнце
И зорь негасимых наряды,
Слышать птиц голоса
И дыхание трав поутру...
Эту радость земли
Я несу, как награду,
Будто принял я орден
Из чистых березовых рук.

* * *

Я Родины себе не выбирал.
Она, как жизнь, дается от рожденья.
Мне стала вьюжная суровая Югра
Отечеством, той точкой становления,
Откуда в жизнь шагнул и где иду
У всех, как свечка в юрте, на виду.
Я родины себе не выбирал.
Она пришла, как гимн, с сосновым звоном,
И дед Нер Ойка — мой седой Урал —
Катил стекляшки Ляпина по склонам,
Поил водой, чтоб я сильнее стал,
Прямей и чище, чем любой кристалл.
Я родины себе не выбирал.
Она живет во мне костром таежным,
Весенней песней глухарей в борах,
Рубинным всполохом зари тревожной
И я, как детской радужной мечте,
Навеки предан этой красоте.

* * *

Поэзия Поэзия Поэзия Поэзия Поэзия

Философия

Я грыз гранит законов бытия,
Постичь хотел причину всех чудес,
Но, видно, философия моя
Еще дремала, как осенний лес.
А фолианты древних мудрецов
Внушали мысль,
Что есть в конце концов
Святая философия небес.
Я по земле пошел из края в край
И от архивной тишины вдали
Нашел его —
Обыкновенный рай —
Не в мертвых мифах,
А в пыли
Полей пшеничных, бойких большаков,
Где в говоре степенных мужиков
Седая философия земли.
Здесь, в хороводе беспокойных дней,
Среди забот насущных и тревог
Живет в аду мартеновских печей,
На трассах нескончаемых дорог,
Простая, как солдатский котелок,
Как путника нехитрый узелок, —
Земная философия людей.

* * *

Любой из нас ничтожен в одиночку,
Как колосок средь половодья хлеба...
Но ведь миры иные — только точки
На беспредельно мудрой ниве неба.
Познать причины вечного движенья,
Величье звезд, миров и человека
Один есть способ — микроприближенье
На уровне стремительного века.

* * *

Мне кажется,
Я не был молодым.
Был мальчиком... И сразу стал седым.
Седел в тайге,
Когда я брел пешком
С отцовским прокопченным рюкзаком,
В осеннем стане
У родной реки,
Где, как и я, седели рыбаки,
В кругу людей
При виде горьких слез,
Когда почтарь нам похоронки нес...
И, разделяя горе матерей,
Взрослей мы становились и седей.
Коль жизни соль хлебнули мы сполна,
Коль в душу рано въелась седина,
Тому причина и тому вина
Одна — война.

* * *

Видел я,
На старинных картах
Между Обью-рекой и Камнем
Рисовали оленье нарты
И богиню-мать Колтысь Ами.
Слух ходил, что она литая
Небожителем, светлым Нумом,
Что богиня та — золотая,
Знает смертных дела и думы.
Ослабевшим в тайге — поможет,
Успокоит сумятицу-вьюгу,
Если грусть-тоска сердце гложет,
Путь укажет к верному другу...
...Не нашел, хоть искал упрямо,
Где богиня та золотая...
По таежным увалам с нами
Ходит женщина... но другая.
Можно встретить ее в спецовке
С рюкзаком и теодолитом,
На звериной тропе с винтовкой
И в поселке давно обжитом.
Знать, живет Золотая баба
Просто-запросто между нами...
Если можно, вот и тебя бы
Я назвал, как ее, Колтысь Ами.

* * *

Может, мне одному
И приснилась такая
Голубая мечта — хрупкой памяти клад:
Голубая луна,
Ночь и ты... голубая,
И березок-невест
Серебристый наряд.
Я люблю голубое
И зеленое тоже.
Цвет земли,
Цвет сибирских разливов речных.
И родных твоих глаз,
Как две капли похожих
На загадки березовой тишины.

* * *

Нет, бурь я не ищу — они всегда со мною
В подвижном человечьем океане...
И свой маршрут я не по звездам строю —
Они изменчивы, теряются в тумане.
Свой путь земной раздумьем освещаю,
И компас этот действует исправно.
Земля пять миллиардов звезд вращает,
По ним сверяюсь — равный среди равных.

* * *

ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Е. Грошева

Я. Г. Чусовитин: У нас там, понимаешь ли, ни транспорта, ни дорог, ничего там не было. Я месяца два ездил, пока нашел лошадей. Колхозы не дают, потому что дорога дальняя, может ведь дело кончиться неизвестно как. Долго еще сани готовили, потому что бездорожье, надо, чтобы на высоких копыльях.

А. К. Шмелев: Перед выходом в рейс оба отряда проверила Октябрина, добираясь до Перегребного и Шеркал по почтовой связи на перекладных лошадях, как во времена Пушкина.

О. В. Шкутова: Повезло мне с начальниками отрядов — они прошли хорошую школу, в Тюмени, и их опыт очень пригодился в работе в тех труднейших условиях, в которых они оказались. Тем более я-то им ничем особенно помочь не могла: в аппаратуре совершенно не разбиралась, знакомство у меня с ней было шапочное: в институте видела гравиметр только снаружи и то под стеклянным колпаком. Операторы быстро поняли мое невежество (да я и не скрывала), но только чаще стали обращаться с вопросами об аппаратуре. Спросят, а ответа не ждут, тут же сами ремонтируют и объясняют. Так многому обучили. Совсем молодые ребята, а такая вот мудрая деликатность.

А. К. Шмелев: Основной методической сложностью проведения гравиметрических работ по региональным профилям было отсутствие опорных пунктов (на которых контролируются показания гравиметра — прибора тонкого и капризного). Поэтому наблюдения проводились сразу двумя приборами с повторением двух последних точек, выполненных накануне. Закреплялись вехами точки, пригодные для посадки самолета и наблюдения опорной сети.

«Олений» маршрут выполнялся отрядом Журавлева. Снаряжение было довольно громоздким: два гравиметра, четыре аккумулятора, радиостанция, палатки, спальные мешки, продукты — плотная загрузка трех оленьих упряжек. Отряд быстро прошел профиль до Хангокурта, где зарядили аккумуляторы и дали передохнуть оленям. Дальше — триста километров безлюдной тайги до Ивделя. В отряде три человека: начальник Толя Журавлев (он же оператор), Женя Пунаев (второй оператор) и каюр. Договорились, что Журавлев в случае необходимости будет выходить на связь в любое время светового дня.

Журавлев сообщил о выходе из Хангокурта. Два дня радист экспедиции дежурил на приеме, на третий день позвал меня к рации: на связи Журавлев. Он сообщил, что отряд находится в Ханлазине, поселок нежилой, олени устали, просил разрешения вернуться в Хангокурт. Через неделю Журавлев сообщил, что выходит из Хангокурта. И появился на связи только на пятый день: «Находимся в ста километрах западнее Ханлазина, олени устали. Разрешите вернуться в Хангокурт». Через десять дней отряд вновь вышел из Хангокурта и пропал. Только на двенадцатый день пришла телеграмма из Ивделя: «Профиль завершен. Люди здоровы. Аппаратура исправна. Журавлев». Эту телеграмму я положил себе под стекло, и в трудные минуты, а их было еще немало, знакомый текст давал мне надежду, что люди выдержат, беда пройдет стороной.

О. В. Шкутова: Олени в тайге оказались непригодными. На них хорошо передвигаться в открытой местности, а зимники на маршруте были в большинстве случаев заросшими. Олени быстро выдыхались, гравиметры сильно трясло. Пришлось

отряду становиться на лыжи и основную часть маршрута нести аппаратуру и снаряжение на спинах.

А. К. Шмелев: Отряд Чусовитина работал с конным транспортом. Кроме аппаратуры, везли с собой сено и овес, поэтому загрузили шесть подвод. В отряде было пять человек: начальник, оператор, радист и два возчика. Отряд работал той же методикой, что и Перегребинский, прошел профиль без особых приключений и до распутицы вернулся обратно по профилю в Шеркалы, попутно наблюдая точки, намеченные под опорную сеть для самолетных посадок.

Я. Г. Чусовитин: Мы шли километров по десять-пятнадцать. Проводника взяли. Ребята идут, топчут дорогу, чтобы лошади прошли. Потому что снег глубокий, так вообще лошадь не пройдет, надо чтобы по колено хоть было. На охотничьих лыжах не протопчешь, на обыкновенных шли. Ну, и до того натопчутся, что в снег свалятся. Лошади пройдут и сзади едешь и подбираешь, и затаскиваешь их на сани. Отлежался маленько — на лыжи и вперед опять. А продукты... Я брал пельмени, чтобы быстренько. И в ресторане заказывал, чтобы мне наделили, и где попадается такая возможность, так я не упустил. Ночью в лесу палатку поставишь, костерчик разведешь, вода закипит — тут тебе и ужин.

В марте уже закончили маршрут такой тяжелый. И план сделали, и все. В Ханты вернулись.. И тут Александр Ксенафонтович говорит: «Вот там сейсмоки работали, и вроде какое-то поднятие. Проверить надо. Давай-ка сходи». Транспорта никакого нет, ничего нет. Я в Ахтинке договорился, шесть собак взял и поехал. Вначале топограф прошел, точки разметил и протоптал, чтоб на собаках пройти. Прошел, дал схему. А в день, как мне выходить, пошел такой мягкий снег — буран, и знаешь, снегу навалило сантиметров тридцать, и я ничего не вижу. Весь отряд — я, рабочий один и шесть собак. А гравиметр да с аккумуляторами на санях — сто килограмм. Да ладно, на наше счастье увязалась с нами собачонка маленькая. Так она шла и нам показывала, где эта лыжня. Она как с лыжни свернет — провалится и опять на лыжню. И вот она нас вела, без этой собачки не знаю как бы и прошли. Я-то думал, одну ночь пробегу и все, а проходили четыре дня. Есть нечего — и собак кормить, и сами, у костра спали, все обгорели... Тут я хлебнул горя — пешком в снегу-то возиться...

О. В. Шкутова: Сведения о передвижении отрядов в течение всей зимы мы получали через неделю-две, иногда реже. Активировать выполнение приходилось на основании телеграмм и радиограмм, что вызывало справедливые нарекания главного бухгалтера.

Методика многократных наблюдений не давала полной гарантии отсутствия ошибок в работе. Естественно, за такую методику была получена крепкая головомойка от гравиметристов Новосибирского треста, которые контролировали и оценивали нашу работу. Но иного выхода у нас не было. Выставить опорную сеть своими силами экспедиция была не в состоянии, а проект работ был утвержден в тресте, выполнять его мы были обязаны.

Редкая сеть опорных наблюдений первого класса была выполнена лишь осенью пятьдесят второго года, только тогда удалось привязать к ней работы прошедшей зимы. Несмотря на невероятно трудные условия, наблюдения оказались довольно качественными. Первая гравиметрическая карта, составленная на их основании, выявила основные элементы гравитационного поля западной части низменности, которое в дальнейшем было уточнено и детализировано.

А. К. Шмелев: Электроразведочные отряды выполняли профили: Березово-Саранпауль (начальник отряда Бисеров), Кондинское—Няксимволь (Леликов), Кеушки—Шаим (Набоков).

Отряду Бисерова предстояло работать значительно севернее остальных, на оленях, на пойме. Начальник отряда провел основательную подготовку.

А. В. Бисеров: Наш отряд сначала относился к Тюменской экспедиции. Начальником был инженер, но он не справлялся, увольняться надумал...

Лето работали вниз по Оби. Была у нас двадцатипятитонная баржа и катер БМК — такая фанерная коробка. Постоянно он ломался. Наше начальство

далеко, пытались просить помощи у Шмелева, в ответ радиogramма: «Кузнецов давно работает самосплавом. Задание выполняет на сто процентов». Взяли провод, вниз по течению идем, тащить баржу не надо, только придерживаем по берегу. Причалить не везде могли — там съёмки не делали. Так дошли до Полновата. Тут распоряжение: выполнить опорное зондирование у Салехарда. Фундамент там неглубоко, метров семьсот от поверхности, значит, и разносы невелики, километра по три. Но на материке мерзлота, а у нас батареи старые, слабые, не пробивают. Вернулись на Обь, по воде с помощью моторной лодки сделали пять зондирований. Намучились! И с аппаратурой, а больше потому, что опыта нет, с воды-то электроразведка до сих пор не работала. Но кое-чему научились.

Вернулись в Полноват на зимовку, отсюда в Березово. С осени стали к зиме готовиться: заказали в совхозе «тоборы» и «гуси» (меховые одежда и обувь, надеваются в поездке на нартах поверх обычного зимнего снаряжения), насушили сухарей, разбросали по профилю от Березово до Хурумпауля. Теперь Шмелев уже меня в пример другим ставит. По радиации слышу распекает кого-то: «Бисеров сухарей насушил и ничего не просит, сидит без дотации!» Березовский совхоз дал оленей — сорок три головы, трех проводников и двенадцать нарт.

Пошли мы хорошо. Разметку делать приходилось не более чем по пять километров, да не по тайге, места все открытые. Электроды в полтора метра доставали талые породы, значит и с заземлением все в порядке. Жили мы — человек двенадцать — в утепленной палатке, а каюры — в чуме, иной раз и вовсе на снегу, на нартах ночевать оставались: «В палатке потеть будем!» Оленей через день меняли, чтобы ездовые отдохнули, покормились. Через месяц всех оленей заменили: быстро они устают, выдыхаются.

С Северной Сосьвы перешли на реку Ляпин, по ней поднялись до Ломбовожа, Саранпауля... Возвращаясь, повторяли те точки, где сомневались в полученном материале. Весну, первое солнце уже у Сартыньи встретили. А то все в потемках работали, наблюдения при большом костре делали, да у прибора подсветочка.

Вот только олени на обратном пути и вовсе выдохлись. Уже не они, а мы их везем — на нартах лежат. А груза и так несколько тонн. До Березово не довели, у Игрима Василий Абрамыч (он у наших каюров за бригадира был) — хороший человек, по национальности зырянин, по фамилии Попов говорит: «Оставьте, теперь сами дойдут.» И верно, дошли.

В Березово мы еще до распутицы вернулись.

А. К. Шмелев: Медленнее шла работа в отряде Леликова. Профиль проходил по дремучей тайге. Глубина до фундамента требовала размоток по десять километров от центра. На отдельных участках встречались сухие пески и многолетняя мерзлота, приходилось забивать по десять-двенадцать электродов... До распутицы отряд выполнил часть профиля до деревни Хангокурт, где складировали аппаратуру и оборудование до осени, и налегке выехали обратно по профилю в Кондинское.

Труднее всего пришлось отряду Набокова, работавшему на профиле Кеушки — Шаим. Работы проводились с конным транспортом. Лошадей арендовали в колхозе вместе с возчиками, которых зачислили в отряд рабочими. Размотки вначале тоже были по десять километров, но местность была более удобной для работы и передвижения: редкие острова леса между замерзшими болотами и озерами. Первый месяц все шло нормально. Ушли профилем от Оби на сто километров, до ближайшей деревни впереди осталось еще километров пятьдесят, и тут кончилось сено. Набоков решил оставить в охотничьей избушке вычислителя и радиста со всем оборудованием и на десяти подводах с десятью рабочими пробиться до деревни, закупить сена, на обратном пути сложить его стожками вдоль профиля. Контрольный срок возвращения был семь дней. Через четыре дня прошла сильная пурга, мело двое суток. Контрольный срок прошел — обоз не возвращается. На телеграфный запрос экспедиции Картопья (деревня, в которой закупили сено) не ответила. Ханты-Мансийский аэропорт отказался

дать ПО-2 для поисков, так как самолеты были заняты на транспортировке продовольствия буровой разведке в Ларьяк. На просьбу выделить самолет из Новосибирского геологического авиаотряда трест не ответил.

Обоз возвратился к избушке на десятые сутки. С сеном. На обратном пути попали в пургу, на болоте потеряли свой след, прибились к островку леса и переждали пургу. Потом два дня искали свой след. Не нашли и на третий день двинулись в деревню за собакой. Пират вывел на след и стал с того дня полноправным членом отряда и всеобщим любимцем (летом весь отряд перешел работать в сейсморазведку, и Пират вместе со всеми).

До Шаима отряд добрался в первых числах апреля. На последних ста километрах сделали всего четыре зонда: была сильная оттепель, спешили выбраться из болот. Порожний обоз возчики погнали по тающему зимнику вдоль Конды в Ханты-Мансийск. Не хватило пары дней: ледоход остановил в Болчарах.

Несчастья преследовали отряд и в Шаиме. Сначала рабочая из-за ревности серьезно поранилась кухонным ножом. Хирург окружной больницы по нашей рации консультировал шаимского фельдшера. Одна больная начала поправляться, тяжело заболела другая — душа отряда вычислитель Груша Соловьева. Главный врач окружной больницы, тоже консультируя фельдшера по рации, определил у Груши экссудативный плеврит. Нужны антибиотики — в Шаиме их нет. Зимняя навигация закончена, самолетов в Ханты-Мансийске нет, тюменскому ПО-2 не хватает бензина, чтобы доставить медикаменты «на сброс». Вслед за ледоходом Грушу на моторной лодке отправили в больницу в Кондинское, из Кондинского навстречу вышел катер с врачом, который встретил больную у поселка Луговая. Жизнь Груши была спасена, но, закончив курс лечения, она уволилась из экспедиции.

Только в конце мая катер с баржей вышел из Ханты-Мансийска в Шаим, забрал там электроразведочный отряд, в Болчарах погрузил санный обоз и в середине июня пришел в Ханты-Мансийск. Лошадей в Кеушкинский совхоз сдали только в конце июня.

Организация зимних сейсморазведочных работ опиралась на опыт Тобольской сейсмопартии: использование для жилья и размещения аппаратуры балков на тракторных санях. В каждой партии было по пять балков: в одном — сейсмостанция, в другом — кухня-столовая и три жилых.

Б. Л. Быховский: Конечно, первые балки, придуманные Шмелевым и изготовленные местной промартелью, были совсем не те, что сейчас. Шаткие, крохотные. Народу в них набивалось столько, что дышать было нечем. Если вдруг кто-нибудь «портил воздух», все вываливались на ходу. От одного работника, хорошего парня, пришлось избавиться только потому, что он страдал ночным недержанием мочи. О комфорте и речи не было. Вдобавок при спусках-подъемах балки пытались складываться наподобие карточных домиков, и при этом втягивали в себя, заглатывали снег.

А. К. Шмелев: Размещение балков по профилю обеспечивало обогрев всех работников, кроме топоотряда, у них не было ни транспорта, ни обогрева. Круглосуточно отапливались только балки сейсмостанций. Работники партии ночевали, как правило, в ближайшей деревне, куда уезжали на тракторных санях. При удалении от деревни все жили в балках. Материалы и продукты доставлялись на профиль арендованным гужевым транспортом.

Первая партия прошла профилем от деревни Белогорье через всю пойму на юг до деревни Ахтинка, пересекла полосу и вышла на болото. Опытнейший тракторист Пешев, выехав на болото, почувствовал опасность, не переключая скорости медленно развернулся и выбрался в лес. Быховский вызвал меня по рации. Я спросил Пешева: «Боишься?» — «Не боюсь, но знаю, что сяду». — «Сядешь, значит вытащим.» Трактор затонул, вытаскивали его месяц. Еще раз убедились, что одиночный трактор пускать в болото нельзя. Поэтому после вытаскивания обе сейсмопартии встретились и дальше пошли совместным профилем до Троицкого, где и закончили маршрут.

Основные итоги зимнего сезона: по материалам Березовского электроразведочного отряда выявлены крупные структурные поднятия, в том числе Северо-Сосьвинский свод (поселок Березово расположен на восточном склоне этого свода) — эти материалы легли в обоснование заложения Березовской скважины. Кеушкинский электроразведочный отряд выявил региональный подъем фундамента от глубин в три тысячи метров у Кеушек на Оби до тысячи метров у Шаима — Шаимский свод, давший через девять лет первую нефть Тюмени. По результатам зимних сейсморазведочных работ проведены массовые определения скоростных параметров осадочной толщи пород, установлен скоростной график разреза, который в последующие десять лет применялся для построения сейсмических разрезов в центральных районах области от Увата до Уренгоя и от Нахрачей до Покура.

После окончания зимнего полевого сезона уволились начальники сейсмопартий, присланные осенью трестом. Начальник экспедиции пошел в отпуск и, не выходя из него, тоже уволился. Простились мы и с главным бухгалтером: его перевели в более крупную и, по представлениям тех лет, более перспективную Тюменскую экспедицию.

В Сибирском геофизическом тресте Ханты-Мансийская геофизическая экспедиция была в самых трудных условиях и хуже других обеспечивалась техникой и кадрами. Ханты-Мансийск удален от железной дороги более чем на тысячу километров водного пути, навигация длится всего пять месяцев. Воздушный путь тоже более пятисот километров. Стоимость авиаперевозок была очень высокой. Доставка грузов водой была затруднена перевалкой из вагонов в баржи, с задержкой и порчей грузов в пути. Трест мог снабдить экспедицию автотранспортом, но в наших условиях были нужны только гусеничный транспорт и плавсредства, чем и трест снабжался плохо, и, в первую очередь, обеспечивал ими южные экспедиции, которым «по политико-экономическим причинам», как тогда говорили, и следовало открыть месторождения.

Кто из специалистов добровольно пойдет в удаленный, менее перспективный район при той же зарплате, что и в южных экспедициях? Поэтому трест направлял на вакантные должности людей, далеких от геофизики. Одни из них увольнялись сразу по ознакомлении с работой, другие добросовестно, в меру своих сил и способностей, в течение сезона исполняли административные функции и уходили по его окончании.

В новом летнем полевым сезоне сейсмопартии возглавили опять Гершаник и Кузнецов.

К этому сезону экспедиция, несмотря на плохое обеспечение, была достаточно серьезно и обстоятельно подготовлена. Всю зиму усиленно обустроивались. Выстроили мастерскую, склады, а к весне и камералка с конторой переехали в новое здание на берегу протоки Оби—Неулевки. Здесь же разместились радиостанция и геофизическая мастерская. Начали строительство склада взрывчатки, велся ремонт техники.

Особенно тщательно готовили к навигации флот. Специально созданная комиссия строго проверяла суда на водотечность, а катера делали пробный пробег по Неулевке до Шапши и обратно: определялись скорость и расход горючего. Обнаружилось, что ремонтные работы проведены недостаточно качественно. Я, как главный инженер, возглавлявший приемную комиссию, не мог принять в эксплуатацию ненадежную технику. Главный механик и зам. по хозяйству, ответственные за ремонт, стремились доказать, что и так сойдет. В обход комиссии им удалось отправить в Белогорье баржу со взрывчаткой. Вечером ее загрузили, а к утру она легла на дно. Хорошо, что берег был отмельный, и зачалена она была крепко. Днем воду откачали, подмок только нижний слой ящиков. Что тут испортилось окончательно, так это наши отношения с Санковым. Но в начале лета он выехал в Новосибирск для оперативного получения и от-

грузки оборудования и материалов в экспедицию, и задержался там на полгода (в Новосибирске жила его семья). Я остался один за все начальство.

Первый летний полевой сезон открыла гравиметровая партия. Одним отрядом на морском катере «Гравик» она вышла на отработку профиля по Оби: Нижневартовск—Ханты-Мансийск—Салехард. Наблюдения проводились двумя-тремя приборами одновременно, с повторением наблюдений на опорных точках при обратном рейсе.

Чуть позднее начала работы электроразведочная партия, тоже одним отрядом на морском катере «Электроразведчик» и моторной лодке по маршруту Кеушки—Березово—Салехард. Места для зондирований выбирались на участках, где прямолинейный берег давал возможность разместить всю длину размотки.

Сейсмопартия Гершаника продолжила работы на профиле Ханты-Мансийск—Нижневартовск. В результате работ были выявлены все региональные структуры среднего Приобья: Тундринская впадина, Сургутский свод, Ярсомовский прогиб и Нижневартовский свод.

Вторая сейсмопартия отрабатывала профиль по берегу Иртыша от устья до деревни Фролы. Было установлено горизонтальное залегание кристаллического фундамента. В партии были безуспешно опробованы разные способы установки сейсмоприемников на поверхности воды, но во всех случаях фон от волн и течения превышал полезные сигналы отраженных волн.

Несмотря на тяжелые условия и по-прежнему плохое обеспечение, работа шла успешно. Сказывались приобретенный опыт, подготовка.

И. П. Шмелева: Начал налаживаться, приобретать некоторую устойчивость и даже комфортабельность наш быт. Мы тогда все принялись наряжаться. Зарплату получали редко, зато сразу помногу. Беречь «на черный день» не умели, а я и не хотела откладывать свою жизнь «на потом». В те годы в Ханты-Мансийске было очень приличное ателье, а в магазинах довольно большой выбор тканей.

Еще я по-прежнему покупала книги. У меня уже собралась неплохая библиотека, но вдруг Саша мне говорит: «В партиях нет ни одной книги, я увезу наши». — «Нет!» — сказала я, но он, конечно, все-равно увез половину моего богатства и ничто не вернулось обратно. Много лет спустя наш сын Юра, приехав в командировку с севера, где он работал в сейсморазведочной партии, тоже увез с собой чемодан наших «толстых» журналов и тоже навсегда...

Радостью в памяти осталась природа Ханты-Мансийска. Я очень любила дорогу от нашего дома с верхушки горы до экспедиции, которая стояла у подножья. Дорога — четыре километра — шла через березовые перелески, мимо могучих кедров, оврагов. Зимой — чистый-пречистый искрящийся снег. В морозные дни приходили и на работу и домой все в куржаке. А весной, когда деревья только распускаются, лес стоит словно кружевной, кедровники упоительно пахнут смолой и... нет комаров! С нашей горы кругом, куда ни кинешь взгляд — неоглядное водное пространство, так разливается Обь и ее протоки. Очень счастливой я себя чувствовала той весной, особенно после рождения Тани — моего четвертого ребенка.

Еще хорошо — общение с людьми. Мне всегда казалось, что добрые человеческие отношения нужны не менее, чем хлеб. И в Ханты-Мансийске они у меня были. Отношения со всей экспедицией складывались простые и товарищеские, нам было интересно работать и сами мы были интересны друг другу. Хотя больших интеллектуалов среди нас не было. Мы дружили семьями с Аркадием и Машей Кузнецовыми, поскольку у нас было много общего. В том числе и огород при нашем доме, где мы вместе сажали картошку. И с девушками-камеральщицами, и с полевыми рабочими получалось почти по-родственному. Бывало и сватами выступали. Но вот одну из наших подопечных, Надю, наоборот, всячески отговаривали от сватавшегося к ней жениха. Хоть был очень влюблен и до сих пор помнит. Был он лет на десять старше Нади. Мне он страшно не нравился сначала за его отзывы о женщинах — очень грязно говорил, такого я больше не

слышала. Наверное, много в деревнях напакостил. А однажды он рассказал о себе такую историю... Он служил во время войны в армии Рокоссовского при штабе. По его словам, многие из его сослуживцев занимались мародерством, особенно, когда вошли в Германию. Командование было вынуждено назначить за мародерство расстрел. И вот уже после Победы, в Берлине, он еще с одним парнем отправились искать выпить. Зашли в немецкую семью с автоматами, полезли в буфеты... Один немец что-то заворчал — перестреляли всю семью, все напрочь разгромили... И тут наш патруль. Так эти двое еще два часа отстреливались от своих же! «Так вы же могли и своих солдат...» — «Может, и застрелили кого. А что было делать? Иначе бы они нас расстреляли». Не знаю, насколько это было правдой, но видеть его после этого я уже не могла. И Наде говорила, что хуже его — не бывает! Надя обижалась: «Да, что вы, Иоганна Павловна, я и сама вижу: противный он, терпеть его не могу!» А он нашего отношения так и не понял. Недавно проезжал через Тюмень, звонил, просился в гости, спрашивал адрес Нади...

Но это исключения, потому и помнятся так. А правило — ну, хотя бы Боря Самсонов. Тоже фронтовик, прошел всю войну разведчиком. У нас работал радиотехником, москвич, очень интеллигентный парень. А жил он тогда — последний год: погиб на Березовской скважине... Или Вася Дюжаев — геодезист профессиональный, дело знал очень хорошо, работал на совесть. Удивительно чистые, аккуратные журналы он вел. Будто и не в сугробе на морозе заполнял, а в кабинете, за столом. Тоже москвич, здесь женился, долго еще работал в наших партиях... Тоже погиб — при разведке Краснolenинского месторождения. А Толя Журавлев — в Саранпаульской экспедиции...

Но то лето не предвещало никаких несчастий, наоборот! Был какой-то чудесный выходной в мае, как раз когда лес только начал распускаться — теплый, солнечный, длинный день мы всем домом, с детьми, студентами, гостями, провели в лесу — тут, кажется, все соединилось, что нужно человеку для счастья. Потом мы дружно и весело жили со студентами. А к концу лета они поневоле стали и вовсе членами нашей семьи: практика кончилась, пора было уезжать, и тут, конечно, очередная задержка зарплаты. Даже только на билеты взять негде. Вместе жили частью в долг, частью — на картошке с нашего огорода. По вечерам на этом огороде жгли костры, пекли картошку, пели до полуночи. Мне тут как раз выдали пособие на четвертого ребенка. На билеты его не могло хватить, но зато мы закатали пир горой. Со студенческой стороны к нему была приготовлена торжественная ода в мою честь — очень жаль, что я не догадалась ее сохранить. Потом Саша получил большой денежный перевод — премию за открытие угольного месторождения еще в Казахстане. На эти деньги и отправили студентов.

Не хотела уезжать одна девушка — Галя. Только на самом последнем пароходе, с горькими слезами... Мы с ней особенно подружились, и я знала ее сердечную тайну. Галя проходила практику в партии Виктора Гершаника. Он был, конечно, необыкновенный парень. Один голос чего стоил! Без руки великолепно играл в волейбол, Иртыш переплывал. Галя хотела быть достойной его. Решившись научиться плавать, она однажды спрыгнула с баржи (парни ей сказали, что лучший способ — это как щенков учат: бросят в воду и пльви). Борис Быховский ее вытащил чуть живую. Она отдышалась и опять!.. К концу лета действительно уже хорошо плавала. Не заметить, не понять, что с ней происходит, Виктор не мог. И не может быть, чтобы его сердце не дрогнуло: удивительная это была девушка — милая, умная, талантливая, самоотверженная... Но он уже был женат.

А. К. Шмелев: К концу октября летние полевые работы были закончены. Гравиразведочный, электроразведочный отряды и сейсмопартия Кузнецова вернулись в Ханты-Мансийск. Сейсмопартия Гершаника ушла в Малый Атлым, разгрузила там аппаратуру, оборудование, материалы. Там планировались зимние сейсморазведочные работы для обоснования опорной скважины. Ждали караван с оборудованием, материалами и продуктами из Новосибирска. В середине сентяб-

ря Санков вызвал туда главного механика Лотарева для сопровождения каравана, но отправление все задерживалось.

Второго октября в Ханты-Мансийске лег снег. Стало ясно, что из Новосибирска караван дойти не успеет, замерзнет в пути, отправлять нельзя. Я дал предупреждающую телеграмму в трест. Шестого октября караван все-таки вышел из Новосибирска, но был задержан вновь в Колпашево на перегрузке судов до восемнадцатого октября.

Баржа с катером из Тюмени вышли десятого октября, шли без остановок круглосуточно, прибыли на базу в Ханты-Мансийск в ночь с восемнадцатого на девятнадцатое октября. На разгрузку вышли все работники экспедиции, бывшие в то время в городе. За сутки разгрузили и вновь загрузили для отправки в Малый Атлым два трактора, два балка с материалами и продуктами, ручные буровые комплекты, ГСМ в цистернах и бочках и новую сейсмостанцию. Двадцатого октября караван вышел из Ханты-Мансийска, двадцать первого в промартели у деревни Луговая были получены восемь новых балков на тракторных санях. Грузить их было некуда, поэтому сцепили по четыре штуки и потянули катерами по реке. В ночь с двадцать первого на двадцать второе октября штормовой ветер принес похолодание до сорока градусов мороза, все реки встали. Караван замерз у села Троицкое, не пройдя и половины пути до Малого Атлыма.

В ту же ночь у деревни Медведево (Томская область), в девятистах километрах от Ханты-Мансийска, замерз и караван, идущий от Новосибирска. В ста пятидесяти километрах от Ханты-Мансийска замерз катер, посланный навстречу каравану по телеграфной просьбе Лотарева: «Осенние ветра и туманы. Срочно вышлите длинный буксирный трос». Я хоть и ответил: «Осенние ветра и туманы — явление закономерное, о длинном тросе надо заботиться до отхода от пристани», как только вернулся катер, развозивший на места работы гравиразведочные и электроразведочные отряды, послал им этот длинный трос. И вот...

Грузы в Малый Атлым надо было доставить во что бы то ни стало, без них сейсморазведка Гершаника работать не могла. Вызвался Николай Шкутов. Он, как председатель разведкома, должен был в это время ехать в Тюмень на профсоюзную конференцию, где ставился очень большой для нас вопрос о спецодежде. Он должен был выступить, но взмолился: «Караван доведу, все сделаю, но с трибуны и слова не скажу!» На конференцию поехал я, а Шкутов — в Троицкое, с заданием организовать выгрузку каравана на берег, плавсредства поставить на зимний отстой и договориться о ремонте флота в мастерских промартели (караван замерз поблизости от этих мастерских). Скомплектовать санные поезда и двигаться к месту работ по берегу.

Перегон санных поездов от Троицкого до участка работ Малоатлымской партии (более ста километров по берегу Оби через десятки проток и речушек) был героическим. В выполнении этого перехода особая заслуга его руководителя Николая Шкутова.

С двадцать третьего октября по седьмое ноября была разгружена баржа, вытасканы на берег балки. Составили шесть сцепов по двое саней, загрузили в них все оборудование и материалы. Не было денег, а кормить надо было пятнадцать мужиков. Шкутов послал трактора возить колхозное сено, колхоз расплатился продуктами. За это же время с участием местных жителей было разведано двадцать километров пути до следующей деревни. Переход сцепов по разведанному пути занял двое суток. Каждый трактор сделал по три рейса. Так от деревни до деревни и прошли без аварий через все протоки и речки.

Б. Л. Быховский: Я выехал навстречу из Малого Атлыма и встретил караван уже в Сосновке. Шкутов вернулся в Ханты-Мансийск, мы поехали дальше. Я еще по дороге сюда наметил где пойдем. И переправы намораживали, и по дну шли. А раз и вовсе напролом втроем в одном тракторе, да еще и двери наглухо закрыли, а лед прозрачный, гнется... Повезло, не провалились, но второй трактор и сани не решились тащить. Поехали за подмогой

в деревню. Трактор со всех сторон обсели шестнадцать человек. В деревню въехали — паника поднялась: техники тут еще вообще никакой не видели, и вдруг — огонь, грохот и мы — вместо чертей. Старухи решили, что пришел конец света! Добрались до места пятого декабря.

А. К. Шмелев: На конференции по спецодежде стоял вопрос очень интересно: «Материальный уровень у рабочих возрос настолько, что они сами могут купить себе рабочий костюм!». На этом настаивал замполит треста. Я выступил против, конференция меня поддержала.

Вернулся в Ханты-Мансийск первого ноября, и тут мне рассказали, что без меня приезжал... новый главный инженер! И он уже улетел обратно докладывать, что Шмелев караваны заморозил и зимние работы сорваны. После я узнал, что в тресте с ним не согласились, тогда он выехал в Москву, добился приема у замминистра геологии и распоряжения предать суду виновников гибели каравана за подписью министра геологии.

Приказа об освобождении я не видел. Да и как «освободиться», если никакого другого руководства в экспедиции нет? Правда, к этому времени у нас появился главный геолог Семен Исакович Лев, прибывший переводом из Молдавии, но в Ханты-Мансийске он успел проработать всего месяц и предпочитал заниматься геологической эффективностью работ, а хозяйственные дела — не его компетенция.

Геолог из Молдавии был «первой ласточкой» больших перемен, долетевших до Ханты-Мансийска, в министерстве геологии шла сообразная тому времени «перестройка». Новое руководство, пришедшее из «Дальстроя», крайне критически оценило все сделанное предшественниками. Были прекращены нефтепоисковые работы в Минусинской котловине, в Белоруссии, Молдавии и Коми АССР. «Трясло» и Новосибирский трест: нефтепоисковые работы ведутся уже четвертый год, а месторождений все еще нет! Тюменская геофизическая экспедиция критиковалась за низкое качество исследований, слабую геологическую эффективность, особенно, электроразведки. Однако район ее работ по-прежнему числился в наиболее перспективных, и сюда были переданы коллективы и оборудование ликвидированных подразделений (отсюда неожиданное богатство материальной базы Тюменской экспедиции). Была проведена повторная строгая приемка полевых материалов, забраковано до тридцати процентов выполненных работ.

Тут же появились «обличители», обвинявшие начальника экспедиции Уманцева в распылении государственных средств, во вредительстве.

Видимо, и я попал под подозрение. Тем более, мое «кулацкое» происхождение, да жена — немка...

В экспедицию прибывали новые люди. Еще в сентябре приехали молодые специалисты из Азербайджана Светлана Игнатьева и Арон Ландберг. При первой встрече в Новосибирске Светлана просила меня «отказаться» от них, уверяя, что если у нас действительно бывают морозы по тридцать и даже по сорок градусов, то она «вздохнет и умрет». Но теперь, хлебнув вместе с нами всех наших трудов, тревог, безденежья, морозов, они держались бодро. Я как-то встретил Светлану по дороге на работу. В то утро мороз перевалил за сорок, все подернулось инеем. Светлана — в тулупе, шали, валенках, волосы и ресницы в инее. Спрашиваю: «Ну, как?» — «Замечательно!». Арон с нашей экзотикой познакомился еще ближе: он был направлен к замерзшему каравану из Новосибирска (везшему и личные вещи Ландбергов) с заданием проверить порядок складирования материалов, оборудования и аппаратуры. Ехал по сохранявшейся здесь до сих пор пятой связи — «по веревочке».

(Продолжение в следующем номере).

ИСТОРИКИ СИБИРИ

Потребность знать край, в котором живешь возникает у каждого. В разное время и с разной глубиной, но возникает. В этот момент лучшим помощником является книга. В краеведческом фонде окружной библиотеки есть интереснейшие, можно сказать, уникальные издания. Вот одно из них: «История Сибири» (составитель В. К. Андриевич).

Андриевич — сын городничего, сделавший военную карьеру. К занятиям историей обратился случайно, но со временем это превратилось в устойчивую привычку. Он более пяти лет работал в архивах, использовал ранее изданные труды Миллера Г. Ф., Фишера Н. Э., документы и т. д. Результатом явился «Исторический очерк Сибири», тома и части которого выходили не последовательно год за годом, а в зависимости от наличия у автора средств для их издания. Том 1 вышел в 1889 г., том 2 — в 1886, третий и четвертый — в 1887 г., пятый — в 1888. Выходили книги в разных городах — Иркутске, Санкт-Петербурге, Томске, Красноярске.

Историки называют труд Андриевича последним источником официальной историографии Сибири.

Значительный труд по истории Сибири был задуман П. Н. Буцинским (1853—1916 гг.) Сын священника, он получил начальное образование в духовном училище и семинарии, поступил в Харьковский университет. Впоследствии стал его профессором. «Настоящая книга есть только начало обширного труда, задуманного нами», — пишет П. Н. Буцинский в предисловии к книге «Заселение Сибири и быт первых ее насельников». — Харьков, ... 1889.

Первая часть исследования касается заселения Верхотурского, Туринского, Тюменского, Тобольского, Пелымского и Березовского уездов в период от начала завоевания края до середины XVII века.

Исследование колонизации Сибири оказалось слишком обширной для одного историка темой. Буцинский не успел выполнить всего задуманного. Им еще издана книга «К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г.» — Харьков, 1893. В это издание вошла также работа «Крещение остяков и вогулов при Петре Великом». Труды Буцинского являются заметным вкладом в изучение истории края.

Павел Небольсин — журналист, этнограф, историк, один из организаторов и активных сотрудников Русского географического общества — много путешествовал по России, трижды был с научными целями в Сибири. Сибирь впервые побудила Небольсина к научно-литературным занятиям. Зрелым, исторически исследовательским является его исследование «Покорение Сибири». В основу повествования положена Есиповская летопись, а герой «Покорения Сибири» — Ермак. Книга является гимном этому народному представителю, воспетому в исторических песнях русского народа. В предисловии к книге «Покорение Сибири. Историческое исследование» (С.-Петербург, 1849) Павел Небольсин писал: «Тех, которые неохотно предаются чтению старинных бумаг, из предубеждения к их незанимательности и сухости, смеем заверить, что документы, на которые мы указываем, чрезвычайно интересны и по языку и по содержанию; в них так и выливается все прошедшее, так и высказывается эпоха, надеемся, что они не надоедят читателю. Лыстим себя надеждою, что труд наш обратит, может быть, на себя внимание любителей отечественной истории.» Этими словами я и закончу.

**Т. Пуртова,
зав. краеведческим отделом.**

КАК ПОСТРОИТЬ ПЛОТ

Если нужно плыть вниз по течению быстрой реки, то для этого самым надежным средством передвижения будет прочный плот. На изготовление такого плота водоизмещением, достаточным для плавания двух человек с грузом до 300 кг, потребуется 8 сухих бревен длиной по 6 м и толщиной в средней части по 30 см.

Существует несколько способов связывания бревен в плоты; остановимся лишь на двух из них, в которых применяется подручный материал.

Один способ — попарное соединение бревен кольцами, свитыми из березовых прутьев, распаренных в горячей золе. Такое кольцо надевают на пару бревен, туго натягивают его колом, и заклинивают под жердь, положенную поперк

бревен. Скрепив таким образом два бревна, к ним подклинивают с помощью такого же кольца следующую пару бревен (рис. 1). Такой способ вязки плотов пригоден для плавания по рекам с тихим течением. На порожистых реках березовые кольца могут перетереться о камни. Чтобы предупредить подобную аварию, необходимо в местах крепления колец прорубить (на нижней стороне каждого бревна) поперечные зарубки глубиной, превышающей толщину колец.

Более надежным считается другой способ — крепление бревен на «иглах». При этом способе вязки плота каждое бревно с обоих концов на полметра обтесывают до толщины 15 см (рис. 2). Затем, отступая от торца на 15 см, прорубают топором (можно долотом) проушину в виде квадрата со сторонами 10—12 см. Подготовленные таким образом бревна укладывают в ряд комлями в одну сторону и нанизывают их на «иглу» — березовую жердь, подогнанную по размерам проушин в бревнах. Таким же способом нанизывают на «иглу» и противоположные концы бревен. Крайние бревна заклинивают. Чтобы не сколоть торцовую часть проушины, клинья следует загонять под верхние стороны проушин, как показано на рис. 2.

По неглубоким рекам с тихим течением на таком плоту можно плыть на шестах. По быстрым рекам с порогами плот необходимо оснастить парой весел на специальных прочных уключинах-опорах. В отличие от лодок, на плоту уключины для весел устраивают не на бортах, а на передней, торцовой, части плота и на корме. Назначение этих весел — отводить плот от встречных коряг и камней и вести его по середине реки, срезая крутые ее повороты, чтобы не попасть в речной поток, который может занести плот под нависшие над водой кусты, деревья и скалы.

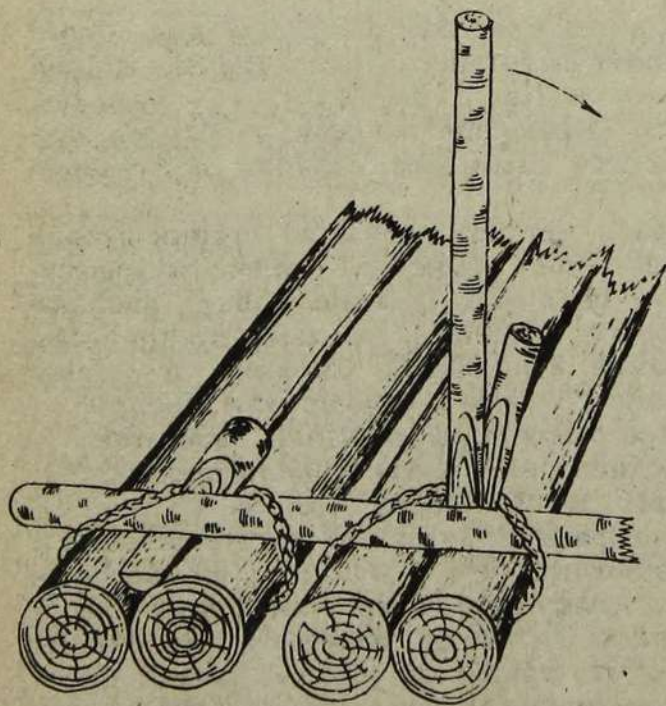


Рис. 1.

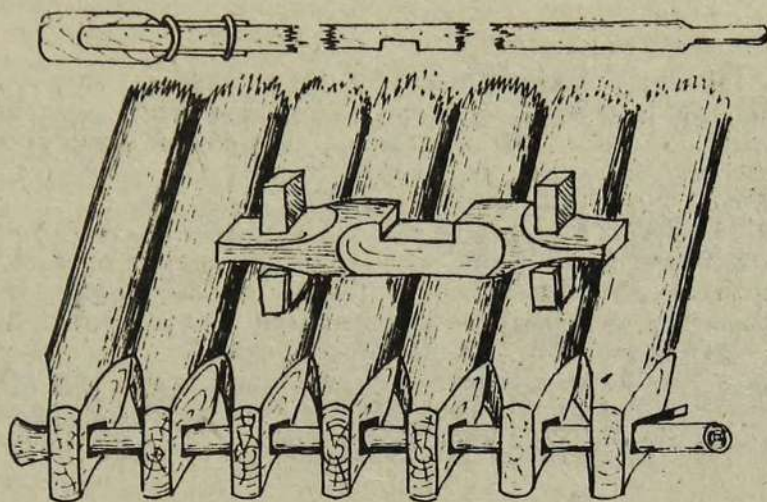


Рис. 2.

Опоры для таких весел делают высотой 50—60 см, особо прочными. Для этого в третьем и шестом бревнах, отступая от торца на полметра, продвигают насквозь квадратные отверстия размером не менее 12x12 см. В каждое такое отверстие туго загоняют стойки длиной до метра каждая. Концы этих стоек не должны выходить за пределы нижней плоскости плота. Просветы между стойкой и бревнами следует заклинить (рис. 2). На эти стойки надевают проушинами полутораметровое бревно диаметром 25—30 см. Бревно это в средней части предварительно обтесывают с боков до 15 см толщины и на середине прорезают в нем зарубину для весла (рис. 2). Такую же опору делают на корме.

На весло пригодна четырехметровая жердь толщиной 15 см. Толстый торцовый конец ее на четверть метра обтесывают до толщины черенка лопаты.

Далее, отступая на полтора метра от этого конца, делают зарубку, прорезая жердь почти до середины. Другой конец жерди расщепляют в плоскости, перпендикулярной сечению зарубки. В этот расщеп вставляют доску и затягивают ее двумя березовыми кольцами.

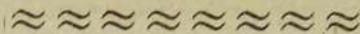
При толщине комлевой части жерди в 20 см и более можно из такой заготовки вытесать целое весло с лопастью. Привязывать весла к уключинам не следует, так как при плавании по быстрым рекам не исключены случаи, когда во избежание поломки весла приходится немедленно его выхватывать из уключины.

Ю. Герасимов.

Рис. 1. Бревна, попарно связанные кольцами, свитыми из березовых прутьев. Справа — натяжка кольца колом, слева — заклиненное кольцо.

Рис. 2. Передняя часть плота с опорой для весла. Вверху — детали весла.

ПЕРНАТЫЕ



ЮГОРСКОГО КРАЯ



Каждый из нас, познавая окружающий мир, с детства запоминает картины той природы, которая для нас родная. В них свое место занимают цвета неба и воды, запахи лесов и трав, животный мир с его большими и малыми существами. Мне картины родной природы Югорского края, что почти полностью занимает Ханты-Мансийский округ, ярче запомнились через знакомство с миром пернатых.

Среди разных птиц, живущих в крае, мне раньше запомнились те, что жили близко от дома «детства». Мой дом детства, оставивший первые воспоминания о таких встречах, стоял на ул. Энгельса в поселке Остяко-Вогульск (ныне г. Ханты-Мансийск). Тогда летом 1937 года, когда в памяти пятилетнего ребенка начали откладываться воспоминания, поселок всюду строили, кругом торчали пни, виднелись кучи веток и поленицы дров. Именно эти места оказались удобными для жизни небольшой птички, встреча с которой оставила первые яркие впечатления. В это же лето я познакомился еще с тремя птицами, которые составили первый ряд в списке всех живущих в крае, а их насчитывается более двухсот видов.

ЧЕКАН-КАМЕНКА

Встречая эту птичку в разных концах округа, я вспоминаю далекое детство и то место, где она жила. Жила она рядом с домом на широкой вырубке, начинавшейся прямо от крыльца.

В один из июньских дней, когда солнце хорошо прогревало землю, а ветерок, насыщенный запахом увядающей хвои и земляники, отгонял комаров, соседский мальчик Олег, ученик четвертого класса, позвал меня в «поле» с пеньками посмотреть «птичьи» гнездо. Мы прошли совсем недалеко от крыльца, он наклонился над кривым корнем, раздвинул траву, и я увидел чудо — там в серой чашечке из мягкого волоса лежало несколько одинаковых голубоватых «камушков». Все они были такие маленькие, гладкие, что моя рука пятилетнего ребенка невольно потянулась, чтобы потрогать. Но Олег не позволил, сказав, что если заденешь вот эти «камушки», то «землерой» бросит все гнездо. Между тем птичка, названная «землерой», не думала зарываться в землю. Наоборот, она все время порхала с пенка на пенек и при этом издавала звук, очень похожий на то, как будто камешек об камешек ударяют «чэк-чэк! чэк-чэк!».

С этим названием — «землерой» — птичка оставалась в памяти пока я не подрос, не научился читать и мне в руки не попала книга А. Брэма «Жизнь животных». Перелистывая ее страницы и рассматривая картинки, я наткнулся на рисунок птицы, точно похожей на «землероя», а под ним подпись «чекан». Тогда я вспомнил ту далекую встречу в детстве и голос, который она подавала, действительно «чеканила».

Из этой книги я узнал, что птичка имела еще два названия, которые характеризовали ее поведение — «попутчик» и любимые места проживания — «каменка».

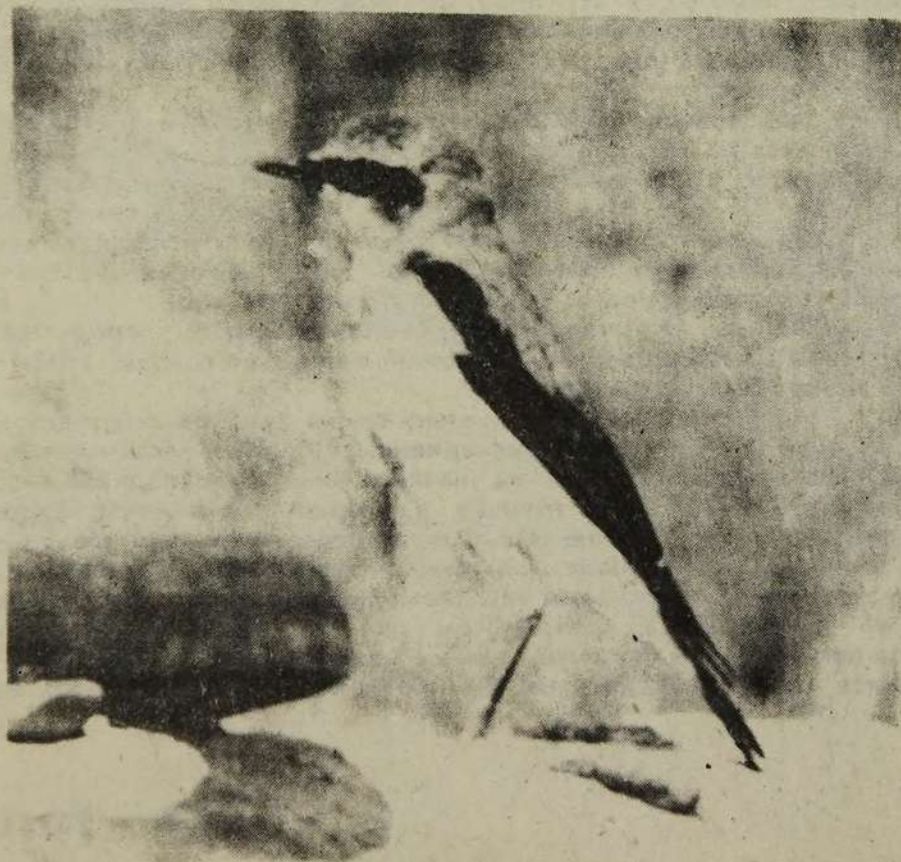
В справедливости названия «попутчик» я потом не раз убеждался, встречая чеканчика на вырубках в разных концах округа. В июньскую пору, когда они гнездились, стоило войти в их владения, как одна из птиц, обычно самец, постоянно охраняющий свое гнездо от опасности, близко подлетал к человеку, как бы узнать его намерения. В эти моменты можно было хорошо рассмотреть весенний наряд и самого «сторожа» — чеканчика. Окраска его скромна: серая спинка и темя, черные крылья, кончик хвоста и полоса через глаз, белое брюшко и грудь, на которой заметен неяркий охристый налет.

Знакомство состоялось и человек направлялся дальше, чекан не отставал. Он следовал возле него по пути, при этом перемещался по своему. Когда к нему подходили близко, он как бы нырял с пенька, неожиданно пропадая из глаз. Думалось, что он отстал — нет снова выныривал на другом пеньке впереди или сбоку, продолжая следовать по пути, пока человек не покидал его «пеньковых» владений, а затем тихо возвращался обратно. Однако стоило человеку случайно повернуть к гнезду, как тихое поведение менялось. Попутчик начинал бегать по пеньку, приседать на своих черных тонких ножках, взмахивать крыльями и постоянно «чеканить». Особенно волнение усиливалось, когда человека сопровождала собака, которая могла быстро найти гнездо и разорить его. В этих случаях он порхал перед самым носом собаки, чтобы привлечь внимание. Когда это удавалось, то уже не обращая внимания на человека, старался увести ее в сторону. Если старания заканчивались успехом, гнездо оставалось целым, сторож возвращался и начинал исполнять для своей подружки песню-танец.

Песня у него негромкая, скрипучая и различима в летнем хоре птиц лишь для специалиста орнитолога, зато танец приметен для многих. Исполняя его, чеканчик взлетает метров на 6—7 вверх и в течение нескольких секунд висит в прыгающем полете и тогда на фоне голубого неба далеко видно контрастное мелькание черных и белых цветов, характерных для его окраски.

Песня-танец особенно часто звучит весной, когда самцы-чеканчики первыми возвращаются на родину и им нужно привлечь внимание самок, чтобы создать семью. В этих условиях тех, кто чаще поет, подружки замечают быстрее. Отсюда, значит, раньше образуется союз маленьких пернатых путешественников и они быстрее приступят к постройке гнезда.

В новой брачной паре чеканчиков самец отличается большой активностью, он первым, в поисках удобных мест для гнезда, лезет в разные норы, ямки, дырки, несмотря на всякие неожиданности, которые могут там возникнуть, и лишь потом приглашает свою половинку. Если выбор удачный, самочка строит гнездо из травинок и волоса, откладывает яйца и насиживает, самец охраняет ее покой, поет рядом песни, кормит и отдыхает.



В минуты покоя, когда чеканчик занимается поиском корма на земле, у него обнаруживается особенность в передвижении. Всем известна поговорка — «Сколько воробья не учи ходить, он все прыгает» к нему не относится: он может делать то и другое — прыгать и ходить.

Проходит летний день и наступает, хотя и светлая, июньская ночь. Самец-сторож, уставший от дневных забот, готовится отдохнуть и для этого ему не надо особых условий. Он, распушив перья, спрячет голову под крыло, присядет на лапках и задремлет. В эти минуты он становится похожим на клочок лишайника, прилипший к пеньку. Однако клочок живой и очень чуткий. Я помню, как в одну из поездок вечером оказался на вырубке у села Кондинского, где жила семья чеканчиков, в которой самец был очень доверчивым и подпускал меня близко. Увидев его фигурку на любимом пеньке, я задумал поймать. Не тут-то было. Несмотря на всю осторожность, он услышал меня метра за четыре и улетел. На другой вечер я снова повторил попытку поймать спящего чекана, но снова без успеха: он также чутко уловил шаги.

Даль за днем идет время и в середине июля в гнездах подрастают молодые чеканчики, а вместе с этим заботы у родителей. Теперь самец не пляшет и не поет: надо не только охранять желторотых, но и накормить, а их в семье бывает шесть или семь. Сама охрана становится трудной, потому что птенцы, как все маленькие существа, начинают проявлять большое любопытство в познании окружающего мира и вылазить из родного дома-гнезда. Но у чеканчиков по сравнению с другими птицами, гнездящимися на земле, это проходит легче, благодаря особенностям врожденного поведения.

Выйдя из гнезда, птенцы не разбегаются далеко в стороны, держатся вместе. Порой на земле или камешках у них возникает «детская площадка», где они ждут родителей с кормом и слушают их голоса. Стоит прозвучать сигналу тревоги, как они дружно прячутся обратно в укрытое гнездо.

В конце июля семьи чеканчиков с подросшими птенцами любят собираться по берегам рек, где лежат штабеля бревен или поленицы дров. Здесь они находят удобные места для ночевки и возможность устраивать своеобразные игры в прятки. Сколько раз бывало, проходя в эту пору по берегу мимо таких мест, видел, бодро торчащие фигурки молодых чеканчиков. Приближался, а они «нырк» в дырку между поленьями и были таковы! Через секунду видишь их на другой стороне полениц, довольных, что обманули!

Чеканчики любят не только кучи бревен, дров, корней на вырубках, но также и кучи строительного мусора, где для них складываются удобные места для гнездования. Этим и объясняется рост числа этих птиц на севере, вокруг новых городов и поселков. Здесь самцы, как и на вырубках, целые дни дежурят на своих наблюдательных постах — кусках окаменелого цемента или кирпича, как бы оправдывая свое третье название — «каменка». Однако лучшей проверкой этого названия оказалось наблюдение за ними в горах Приполярного Урала, где я был летом 1977 года.

В первый же день я, как человек, привыкший видеть перед глазами больше заболоченные равнины Югорского края, поспешил подняться в горы, чтобы почувствовать особенности нового необычного ландшафта.

Перед глазами всюду виднелись то покатые спины хребтов среднегорья, то острые, синюющие вдали пики высокогорья, расчерченные белыми полосами вечного снега. Над всем этим властвовал, несмотря на начало июля, прохладный ветер, перегоняя тяжелые облака через невидимую границу из одной части света Европы в другую часть — Азию. В шум ветра дополнительно вплеталось журчание (возле ног) водопада с прозрачной водой и вдруг знакомый голос тревоги чекана. Он сидел на острие камня, покрытого серыми лишайниками как неотъемлемая часть этого пейзажа.

Когда я стал продвигаться дальше, он как на вырубках в равнинных лесах, начал следовать передо мной по пути, только каждый раз, перелетая с одного места на другое, садился на камни. Здесь он был по голосу — «чекан», по месту обитания — «каменка».

Ю. Гордеев

Фото автора.



фото Л. Березницкого.

